

АРХИВЪ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНИЙ,

ОТНОСЯЩИХСЯ

ДО РОССИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Калаговыимъ.

164570.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА,
въ Типографии Александра Семена,
на Софийской улицѣ.
1850.

ОТВѢСНІЕ ПЕРВОЕ.
ИЗСЛѢДОВАНИЯ И КРИТИЧЕСКИЙ РАЗБОРЪ
ЗАМѢТНИКОВЪ
ПО ЧАСТИ
ИСТОРИИ, СТАТИСТИКИ И ПРАВА
ДРЕВНЕЙ РОССИИ.

І.

◎ ЧЕРНЪ

ПРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ И РЕЛИГІИ
СЛАВЯНЪ,

ПРЕПИМУЩЕСТВЕННО ВОСТОЧНЫХЪ,

ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСКІЯ.

Сочинение

С. Соловьевъ.

ОЧЕРКЪ

ПРАВОВЪ, ОБЫЧАЕВЪ И РЕЛИГІИ

СЛАВЯНЪ,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ВОСТОЧНЫХЪ,
ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСКІЯ.

Правственная природа человѣка такъ сложна, что очень трудно уловить черты его характера, дать ему полную и вѣрию оцѣнку. Сколько противорѣчій, сколько взглядовъ съ разныхъ точекъ зрѣнія встрѣчаемъ мы при оцѣнкѣ характера одного какого инбуль человѣка? Тѣмъ труднѣе уловить черты характера цѣлаго народа. Менѣе трудно это сдѣлать, когда народъ уже сопѣль съ исторической сцены: ясно для насъ различіе въ характерѣ Грековъ и Римлянъ по самому различію ихъ дѣятельности, ихъ исторического значенія. Труднѣе очертить характеръ народа живаго, еще не окончившаго свое историческое понрище, хотя и здѣсь можно еще уловить иѣкоторыя характеристическія черты, если народъ прожилъ уже много вѣковъ, озnamеновалъ чѣмъ либодь свое историческое бытіе, высказалъся въ литературныхъ, художественныхъ произведеніяхъ. Но всего труднѣе опредѣлить характеръ народа младенчествующаго, который не высказался ничѣмъ, о которомъ дошли до насъ отрывочныя извѣстія чужеземцевъ, или и своихъ, но уже отдаленныхъ вѣками и смотрѣніяхъ на правы и обычаи предковъ съ извѣстной точки зрѣнія, мышающей вѣрной оцѣнкѣ. Эти размышенія заставляютъ насъ быть осторожными въ опредѣленіи народнаго характера Славянъ; не позволяютъ намъ произносить рѣзкихъ, рѣшительныхъ приговоровъ въ томъ, или другомъ смыслѣ.

Сличивъ извѣстія современниковъ-чужеземцевъ, мы находимъ, что вообще Славяне своею правственностью производили

на нихъ выгодное впечатлѣніе: простота нравовъ славянскихъ находилась въ рѣзкой противоположности съ испорченными нравами тогдашнихъ образованныхъ и полуобразованныхъ народовъ. Такъ встрѣчаемъ отзывы, что злые и лукавые попадаются очень рѣдко между Славянами (1). Доброта не исключала впрочемъ свирѣпости и жестокости въ извѣстныхъ случаяхъ; тотъ же самыи писатель, Прокопій, который хвалитъ доброту Славянъ, разсказываетъ ужасы обѣобхожденіи ихъ съ пѣнишими (2); Адамъ Бременскій и Гельмольдъ также говорятъ о свирѣпости Славянъ противъ проповѣдниковъ Христіанства; здѣсь не слѣдуетъ удивляться противорѣчію свидѣтельствъ: такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влечениемъ одной только природы.—Прокопій называетъ Славянъ не лукавыми: по видимому противныи отзывъ находимъ у Императора Маврикія, который называетъ ихъ вѣроломными (*ἀλισοι*). Но Маврикій тотчасъ же и объясняетъ эту черту ихъ характера: между ними, говорить онъ, господствуютъ постоянныи различныи мнѣнія: ни въ чемъ они между собою несогласны; если одни въ чемъ нибудь согласятся, то другие сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, ибо всѣ пытаются другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому (3).

Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство Славянъ. Императоръ Маврикій говоритъ о южныхъ Славянахъ, что они ласковы къ иностранцамъ, съ усердіемъ провожаютъ ихъ изъ одного мѣста въ другое, и если случится, что странникъ претерпитъ какую-нибуль бѣду по иерадѣнію своего хозяина,

(1) *Прокопій: Πονηροὶ μέν τοι η̄ κακόργοι ὡς ἡ̄κιστα τυγχάνουσιν ὄντες.*

(2) *Procop. de Bello Gothicо, I. III, cap. 13.*

(3) *"Απισοι δε εἰσὶ παντοίως καὶ ἀσύμφωνοι περὶ τὰς συνθήκας, φωρῷ μᾶλλον η̄ δάχνοις εἰκοντες. Λιαφόρως γὰρ γνώμης χριτεύοις ἐν ἀντοῖς, η̄ δὲ συμβαινόντοις, η̄ καὶ συμβαινόντων αὐτῶν τὰ δοκεῖτα συντόμως ἔτεροι παραβαίνοι, πάντων ἐναντίων, ἀλλήλους φονεύτων καὶ μηδενὸς τῷ ἔτερῷ παχωρεῖν βελομένα.*

то со съѣдѣянияго вооружается противъ него, почитая свя-
щеннымъ долгомъ отомстить за странника (1). Гельмольдъ
въ тѣхъ же самыхъ словахъ описываетъ гостепріимство Славянъ
съверныхъ, прибавляя, что у нихъ считалось позволеннымъ да-
же украдь для угощенія (2).—Гостепріимство есть черта, при-
надлежащая не однѣмъ Славянамъ: у Грековъ нарушить долгъ
гостепріимства значило оскорбить высшее божество—Зевеса; и
теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарь съ-
верной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ
съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чув-
ствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепріимства; особенно
сильно чувствуютъ въ себѣ эту обязанность тѣ народы, кото-
рые сами подвергаются безирывной опасности изгнанія, все-
гда готовы взять въ руки странническій посохъ, и предаться
на волю судьбы и добрыхъ, гостепріимныхъ людей; с.т.д. Сла-
вяне, народъ, болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ
столкновеніямъ и съ своими и съ чужими, безпрестанно под-
вергавшійся нападенію и изгнанію, должныствовали быть однимъ
изъ самыхъ гостепріимныхъ народовъ. Но кромѣ состраданія,
гостепріимство имѣло еще и другія причины: для народа, жив-
ущаго въ простотѣ правовъ, чужестранецъ, странникъ быль
явленіемъ важнымъ, любопытнымъ; сколько наслажденій
могъ оно доставить разсказомъ о своихъ похожденіяхъ! Съ

(1) *Εἰσὶ δὲ τοῖς ἐπιξενιζένοις αὐτοῖς ἥπιοι, καὶ φιλοφρονέμενοι αὐτὲς διασώζεσιν ἐκ τόπων εἰς τόπον ἢ ἀν δέσμηται, ὡς εἴγε δι' ἀμέλειαν τῇ υποδεχομένῳ συμφῆ τὸν ξένον βλαβῆνα. πόλεμον κατεῖ αὐτὸν τὸ τετον παραθέμενος σέβας ηγεμενος τὴν τῇ ξένῳ ἐκδίκησιν.*

(2) Lib. I, cap. LXXXII. Quidquid enim agricultura, piscationibus, seu venatione conquirunt, totum in largitatis opus conserunt, eo fortiorum quemque quo profusiorem jactitantes, cuius ostentationis affectatio multos eorum ad furtu vel latrocinia propellit. Quae utique vitiiorum apud eos quidem venialia sunt, excusantur enim hospitalitatis palliatione. Slavorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris, crastina bospitibus disperties. Si quis vero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio reiuoviisse deprehensus fuerit, hujus domini vel facultates incendio consumere licitum est atque in id omnium vota pariter conspirant, illum inglorium, illum vilem et ab omnibus exhibilandum dicentes qui hospiti partem negare non timuisset.—Lib. II. cap. XII.

другой стороны, человѣкъ много странствовавшій, с.г.д. много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ; отъ такого человѣка можно было много гому научиться, оскорбить его считалось ненавистнымъ божеству и людимъ. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ каждого дома былъ мѣстопребываніемъ домашняго божества; странникъ, входившій въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества, и оскорбить странника значило оскорбить божество. Паконецъ, странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человѣкѣ и цѣломъ племени гостепріимномъ; Мономахъ говорить въ поученіи: «Боль же чтите гость, откуду же къ вамъ придетъ, или простъ, или добръ, или соль, аще не можете даромъ, брашомъ и питьемъ; тибо мимоходячи прославлять человѣка по всемъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ» (1). Что у пѣкоторыхъ Славянъ именно существовало такое побужденіе къ гостепріимству, пѣкотораго рода хвастовство и недростию, тароватость, не разбирающая средствъ, указываютъ вышеупомянутыя слова Гельмольда, и нельзя сказать, чтобъ эта черта нестребилась изъ народнаго характера.

Писатели хвалять обхожденіе Славянъ съ пѣнишими. Императоръ Маврикій говоритъ, что у Славянъ пѣниши не работаютъ цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ; но что назначенъ известный срокъ, по прошествіи котораго они вольны или возвратиться къ своимъ, давши окунь, или оставаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей (2). Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и держивать ихъ какъ можно дольше въ этомъ состояніи, бываетъ силь-

(1) Полн. собр. Русск. лѣтоп. I, стр. 102.

(2) Τѣς δὲ ὅντας ἐν ταῖς ἀγγαλωσίαις παρ' ἀντοῖς, ἐκ ἀορίστῳ χρόνῳ, ὡς τὰ λοιπὰ ἔθνη, ἐν διλεια κατέχουσιν, ἀλλὰ ὅπτον ὁρίζοντες αὐτοῖς χρόνον, ἐν τῷ γράμμῃ αὐτῷ ποιεῦται, εἴ τε θέλουσιν ἐν τοῖς ἰδίοις ἀναγωρῆσαι, μετὰ τούς μισθὸν η μέντοιν ἐκεῖσε ἐλεύθεροι καὶ φίλοι.

но, впервыхъ, у народовъ несолько цивилизованныхъ, у которыхъ хозяйственная и общественная отправлениа сложны, роскошь развита; во вторыхъ, рабы нужны народамъ, хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ запятіе войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличнымъ для свободнаго человѣка, а всѣ остальныя хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть: для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинствененъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но Славяне, во первыхъ, жили подъ самыми простыми формами быта, быта родового, ихъ хозяйственная отправлениа были не трудны и не сложны, въ одѣждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ этомъ и при постоянной готовности покинуть свое мѣстопребываніе и спасаться отъ врага, рабы могли только затруднить Славянское семейство, и потому не имѣли большой цѣнности. Во вторыхъ, Славяне вообще не были народомъ воинственнымъ и вовсе не гнаунались земледѣльческими занятіями; наконецъ они не сдѣлали привычки къ рабамъ, не будучи завоевательнымъ и цивилизованнымъ народомъ. У народа, въ простотѣ родового быта живущаго, рабъ не имѣть слишкомъ большаго различія отъ членовъ семьи; онъ бываетъ также младшимъ членомъ ся, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей ко главѣ семьи однакова со степенью новиовенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родопачальнику; отсюда имя раба смынивалось съ именемъ младшаго члена семьи; что рабъ значило *малый, юный*, доказательствомъ служитъ производное *робенокъ* или *ребенокъ*; также производные глаголы: отъ *робъ* или *рабъ*—*роблю*, *умалиюсь духомъ*, точно такъ какъ *умываю* находится въ связи съ *юный* или *умный*; отсюда же слово *уненинъ* (1); отрокъ означаетъ мальчика и раба.

---

(1) Умный, юный. Ср. Санскр. *ुपा*, *मित्र*.

Писатели хвалять цѣломудріе Славянскихъ женщинъ и привязанность ихъ къ мужьямъ (1), за которыми они слѣдовали даже въ могилу. При формахъ родового быта, когда вся жизнь замыкалась въ семью, отдѣленной отъ другихъ, молодая женщина находилась подъ строгимъ и ревнивымъ надзоромъ новыхъ родственницъ, для которыхъ она была чужанкою. При замкнутости въ чужой семье, мужъ былъ единственнымъ существомъ, отъ которого она ждала и любви и покровительства; умри мужъ — положеніе жены, лишенной единственной подпоры, единственного зѣна, соединившаго ее съ чужою семью, становилось горько, нестерпимо: она предпочитала смерть. Разумѣется, что здѣсь могли также участвовать и понятія о будущей жизни, гдѣ должны были продолжаться прежнія отношенія.

Выше было сказано, что Славяне жили подъ формами родового быта; этого обстоятельства не должно упускать изъ виду при описаніи древнихъ обычаевъ Славянскихъ. Такъ какъ мы преимущественно обращаемъ вниманіе на Славянъ восточныхъ, то, при описаніи правовъ и обычаевъ ихъ, главнымъ руководителемъ долженъ быть начальникъ пашы лѣтоисеца. Мы замѣтили, что на иностраннѣхъ писателей нравы Славянъ производили благопріятное впечатленіе, и они отзываются объ нихъ съ похвалою; вовсе не такъ снисходительны къ древнимъ Славянскимъ правамъ и обычаямъ свои писатели, духовные христіанскіе, которые съ омерзѣніемъ смотрѣли на все то, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Въ такомъ духѣ писалъ и пашъ начальникъ лѣтоисеца. Исключая Полянъ, имѣвшихъ обычай кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ спохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, имѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: Древляне жили по скотски, убивали другъ друга, если все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе девицъ. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинаковой обычай: жили

---

(1) *Маѳрикій:* Σωφρονέσις δε η Θηλεις αὐτοῖς ἐπερ πάσαι φύσιν ἀνθρώπιν, ὡςε τὰ πολλὰ αὐτῶν τὴν τῶν ιδίων ἀνδρῶν τελευτὴν ἰδιον ἡγεῖσθαι θάνατον, καὶ ἀποπνίγειν ἑαυτὰ ἐλεύσιν, ἐξ' ἡγεμενα σωλὴν τὴν ἐν γηραια διαγωγὴν.—*S. Bonifac:* Vinedi tam magno zelo matrimonii amorem mulierum servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset.

въ лѣсу какъ звѣри, щли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ спохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ, сговорившись, молодые люди похищали себѣ женъ; имѣли по двѣ и по три жены. Если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ, и собравши кости, складывали въ малый сосудъ, и ставили на столицѣ, на распутьї (1).

Но внимательномъ разсмотрѣніи этого описания, мы не можемъ не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный попытіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные права и обычай племенъ, въ нихъ полагается различіе между послѣдними. Такъ Поляне, по его словамъ, отличались чистотою семейныхъ правовъ, члены семьи были стыдливы другъ передъ другомъ. Основа семьи, узель ея — это бракъ, который тогда, при господствѣ родового быта, при замкнутости родовъ, имѣлъ самое важное значеніе: бракъ вводилъ въ семью новое, чужое совершенно лицо, перемѣнялъ отношенія, однѣмъ словомъ, былъ единственнымъ событиемъ, которое сильно волнивало роль, безъ того неподвижный при особности и замкнутости своей. Но если бракъ у Славянъ былъ событиемъ такой важности, то ясно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ. Это-то различіе въ обычаяхъ брака лѣтописецъ и приводитъ какъ основное правственное различіе между племенами. Поляне имѣли брачный обычай: женщихъ не ходить за невѣстою, но ее *проводили* (2) вечеромъ, а на другое утро приносили по ней то, что дадутъ. Здѣсь лѣтописецъ хочетъ показать, что у Полянъ бракъ совершался съ согласіемъ родственниковъ невѣсты; но предположивъ согласіе послѣднихъ, нужно заключить о мирныхъ, пріязненныхъ отношеніяхъ между родами, вступающими въ свойство; если мы примемъ чтеніе Лаврентьевскаго списка: «а завѣтра приношау по ней, что вдалче,» то подъ *приношау по ней*, что *вдалче*, мы не можемъ разумѣть ничего иного, кромѣ приданаго: при-

(1) И. С. Р. Л. I, стр. 6.

(2) Отсюда выраженіе *водили* въ значеніи жены по преимуществу, законной жены (И. С. Р. Л. I, стр. 34): «И быша ему (Владимиру) *водили*.... а наложница бѣ у него 300 Вышегородѣ,» и проч.

носили по неї, въ сльдъ за нею, т. е. изъ родительского дома; подразумѣвать здѣсь подарокъ жениха певѣстѣ странно: женихъ дарилъ, и между тѣмъ къ нему въ домъ приносили, неизвѣстно откуда, въ сльдъ за невѣстою? Что *приношау по неї, что вдадуче*, означаетъ приданое, указываетъ пынѣ употребительное выраженіе: взять за женуо, взять то, что будетъ принесено за женуо. Но есть другое чтеніе, чтеніе Ипатьевскаго списка, которое мы считаемъ древнѣйшимъ, и которое прямо указываетъ на куплю: «А завѣтра приношау что на неї вдадуче». На куплю также указываетъ *вльно съ производнымъ вльнити* (1). Во всякомъ случаѣ странно было бы предположить, что обычай купли, существовавшій у всѣхъ народовъ (2), не существовалъ первоначально у Славянъ, особенно при условіи того разрозненія родового быта, въ которомъ жили Славяне, и при такихъ обычаяхъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, говоря о большей части племенъ. «У Древлянъ брака не бываше, но умыкваху у воды дѣвица;» у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ: «браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ неюже кто съвѣщашеся; пмяху же по двѣ и по три жены.» Похищеніе, при разрозненности и враждебности родовъ, необходимо (3). Будучи сльдствіемъ разрозненности и вражды, похищеніе дѣвицъ, въ свою очередь, производить вражду между родами; родъ, оскорбленный

(1) Не пять ли итицъ *вльнитъся* пѣнзема двѣма. *Miklosich, Radices linguae Slovenicae*, p. 14.

(2) *Aristot., Polit. 2, 8: Τὸς γὰρ ἀρχαῖς νόμις τιναὶ ἀπλέσ εἶναι καὶ βαρβαρικὰς ἐσιδηροφορεύντο τε γὰρ οἱ Ἑλληνες, καὶ τὰς γυναικας ἐωνδυτο παρ' ἀλληλων.*—*Grimm's Deutsche Rechtsalterthümer*, 421 et squ.

(3) Иутешество. въ Черногорію. Соч. А. Попова, стр. 162. «Во время сильнаго развитія родового устройства, судьба женщины унижалась. Каждый членъ одного рода, соперничая съ другимъ, стыдится просить себѣ жену въ другомъ родѣ. Если правильилась ему дѣвица, то просто похищалъ ее и тайно вѣнчался. Этотъ обычай особенно былъ распространенъ въ Бердѣ. Иногда похищали и чужихъ женъ. Но съ уничтоженіемъ родового устройства, это измѣнилось.»—См. также прекрасный разборъ сочиненія г. Терещенко (Быть Русскаго народа), сдѣланій К. Д. Кавелиныи въ Сокременинкѣ.

похищениемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведеть уже къ продажѣ девицъ; похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидалась войны, предложить вознагражденіе. Но кромѣ этого, купля невѣстъ произходитъ естественно еще изъ другихъ причинъ: при разрозненности, отчужденности родовъ, долженъ необходимо развиться родовой эгоизмъ, который заставляетъ смотрѣть на женщины, съ самаго дня ея рождения, какъ на чужую, назначеннуя для чужаго рода; родственники содержать девушку, кормить и одѣвать ее не для себя, для чужихъ: отсюда естественно, что они будутъ требовать отъ рода, въ который девушка переходитъ, вознагражденія за ея содержаніе; однимъ словомъ, произхожденіе купли невѣстъ одинаково съ произхожденіемъ позднѣйшей платы за выводъ, или выводной купинцы. На это ясно указываетъ обрядъ тенерешней простонародной свадьбы въ нѣкоторыхъ областяхъ Русскихъ: «подѣйствы сидитъ братъ или другой какой-либо свойственникъ. Дружко спрашиваетъ его: за чѣмъ спидишъ здѣсь? — Я берегу свою сестру. — Она уже не твоя, а наша, возражаетъ дружко. — А ежели она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе. Я одѣваю ее, кормлю, понимаю. — Что же ты издержалъ? спрашиваетъ дружко. — Много! восемь бочекъ бураковъ, четыре бочки капусты, и проч. Дружко вынимаетъ изъ кармана пѣсколько мелкихъ лепестъ, кладетъ на деревянную тарелку и ставить на ней чарку водки; потомъ подноситъ ему, но онъ не береть, потому что мало. Дружко склоняетъ его на уступку, но онъ не соглашается; торгъ продолжается, пока не сойдутся въ цѣнѣ. Но продажѣ невѣсты, братъ ея выходитъ изъ за стола; на его мѣсто садится князь (женихъ) (1). »—

Обычай купли могъ поддерживаться и по другимъ причинамъ: родъ, купившій девушку, слѣд. взявший ее въ полную собственность, лишалъ ее черезъ это всякой самостоятельности, и это давало ему ручательство въ безпрекословномъ ея повиновеніи и прочности брака; такимъ образомъ купля была

---

(1) Быть Русскаго народа, соч. А. Терещенки, ч. II, стр. 317, 318.

выгодна для обѣихъ сторонъ (1). Но ясно, что такой родовой эгоизмъ долженъ быть встрѣтить сопротивленіе въ родительской любви, которая, простиралась одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобы и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе приданаго. Обычай давать приданое долженъ быть произойти и распространиться преимущественно въ такъ называемыхъ городахъ, мѣстахъ, где на близкомъ другъ отъ друга разстояніи жило много родовъ; близость поддерживала тѣсныя, родственныя отношенія между родами, вошедшими въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ возможность наблюдать за поведеніемъ новыхъ родныхъ относительно дочери, за ея интересами; дочь не выходила изъ рода, по расширѣнію родѣ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа; произошло явленіе, которое замѣчаемъ мы въ отношеніяхъ между Русскими Князьями, и которое, безъ сомнѣнія, имѣло мѣсто и въ другихъ родахъ, а именно: племя дочери, сестры стало сравниваться по отношеніямъ съ племенемъ сына, брата, даже свойственники вошли въ отношенія родственниковъ; такъ сестриччи, сынъ сестры, хотябы принадлежали къ враждебному роду, считался *своимъ*; такъ мужъ старшей сестры считался старшимъ братомъ относительно младшихъ шурьевъ, старший шуринъ относительно младшихъ зятьевъ. Но если нѣжность родительская, при пособіи упомянутыхъ обстоятельствъ, стремилась къ уничтоженію купли дочерей и ко введенію въ обычай приданаго, то эгоизмъ рода долженъ быть найти себѣ защитниковъ въ братьяхъ певѣсты, которыхъ интересъ страдалъ отъ того, что они не только не вознаграждались за содержаніе сестры во время ея дѣвической жизни, но еще отъ ихъ родовой собственности отнималась часть для ея приданаго. Отсюда обычай прида-

---

(1) *Ne quis uxorem nisi emptitiam duceret, venalia siquidem connubia plus stabilitatis habituræ censemebat (Frotho), tutiorem matrimonii fidem existimauit, quod pretio firmarentur. Saxon Gram. Lib. 3, p. 88.*

наго долженъ быть встрѣтить себѣ сильныхъ противниковъ въ братьяхъ невѣсты, которые, безъ вѣдома родителей, могли дѣлать всевозможныя препятствія браку сестеръ, пользуясь особенно своею физическою, молодецкою силою; отсюда необходимость со стороны жениха и его родичей задаривать братьевъ невѣсты, чтобы они не мѣшали дѣлу, выкупать у нихъ сестру. О помѣхѣ, которую дѣлали братья при бракѣ сестеръ, и о выкупѣ у нихъ послѣднихъ свидѣтельствуютъ очень ясно простонародные наши свадебные обряды, такъ напр. «Женихъ сходитъ съ лошади, а на нее садится братъ невѣстинъ, или другой какой нибудь свойственникъ, и скакетъ по улицѣ во всю прыть. Бояре (провожатые), сѣвъ на своихъ лошадей, обращаются за пимъ въ погоню. Схвативъ его, ведутъ къ невѣстѣ и предъ нею потчуютъ виномъ; тотъ кланяется и не пьетъ. Тогда дружко вынимаетъ вмѣсто его, и наливъ другую чарку водки, подносить брату невѣсты; тотъ опять отказывается. Дружко спрашиваетъ: что тебѣ надо? — Денегъ. — Дружко вынимаетъ изъ кармана нѣсколько денегъ, кладетъ на тарелку и подносить ему. Онъ беретъ деньги, вынимаетъ вино и сѣзаетъ съ лошади; тогда бояре бьютъ слегка по спинѣ его прутьями; онъ уходитъ отъ нихъ, потомъ возвращается и, взявъ обнаженную саблю, садится подъ лошади.» Окончаніе обряда приведено выше. Кража лошади у жениха братомъ невѣсты и бѣгство его указываетъ ясно, что братъ невѣсты употреблялъ всѣ средства, чтобы на счетъ жениха вознаградить себя за вывѣдь сестры изъ рода безъ продажи и даже съ приданымъ (1).

Легко понять, что въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, у разныхъ племенъ, въ одно и тоже время могли быть разные обычай относительно брака: въ то время какъ у однихъ, преимущественно въ городахъ, совершался бракъ съ согласіемъ родителей невѣсты, даже могло быть въ обычай приданое, у другихъ похищали дѣвицъ. На обычай похищенія дѣвицъ на погрицахъ указа-

---

(1) На это указываетъ также извѣстная пословица: «Тесть любить честь, зять любить взять, теща любить дать, а шурипъ глаза жмурить — дать не хочется.»

зываешь разсказъ Боплана о древнемъ Украйскомъ обычай похиненія лѣвицъ на праздникахъ (1). На это же указываетъ обычай раскольниковъ: «Межу иѣкоторыми расколами бракъ не считался лѣйтвительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ лѣвицу съ ея согласія. Такое обыкновеніе было въ употреблении еще недавно въ иѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни и лѣвицы на масляница собирались въ пинтейный домъ, на гулянья, называемое кирманъ, плясать, пѣть и веселиться. Отцы и матери знали, къ чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ лѣвицею, уходилъ съ нею съ кирмана, и, посадивъ на сани, отправлялся въ лѣсъ къ завѣтному дубу: обѣзжалъ его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ Люценскомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: мужчины, похищая лѣвушекъ, обѣзжали озеро три раза, и бракъ былъ лѣйтвителенъ» (2). На этотъ же языческій обрядъ, сохранившийся раскольниками, указываетъ изгѣстіе о Разинѣ, который будто бы на Дону велѣлъ вѣнчать людей около деревьевъ (3).—Словѣ лѣтописца: «Брака у нихъ не бываше, по умыкаваху у воды лѣвиця,» объясняются словами Митрополита Кирилла, который говоритъ: «Въ предѣлѣхъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати иовелѣваемъ» (4).» На употребленіе воды при бракахъ указываютъ также правила Иоанна Митрополита, гдѣ говорится объ языческомъ обрядѣ *плесканія*, употреблявшемся при свадьбахъ (5).

Похищеніе женъ, насильственное или съ согласія похиненій сдѣланное, не могло условливать уваженія къ женщины и стыд-

(1) *Description d'Ukraine*, p. 63.

(2) Терещенко, Быть Русск. народа. т. II, стр. 28.

(3) *Ригельманъ*, Исторія Донского войска.

(4) *Востокова*, Опис. Рум. Муз. стр. 321.

(5) Оже не бывають на простыхъ людехъ благословленіе вѣнчанія, но бояре токмо и Князи вѣнчаються; простымъ же людемъ яко именемъ и *плесканіемъ*.... Русск. достопам. I, 101.

ливости въ членахъ семьи: «срамословье въ нихъ предъ отыци и предъ спохами.» Постоянная вражда между родами ввела въ обычай безстыдную брань, оскорбляющую родъ..... При такихъ понятіяхъ что могло заставить человѣка ограничиться одною добычею? что мѣшало ему имѣть двѣ и три жены? «Имяху же по двѣ и по три жены,» говорить лѣтописецъ (1).

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются нравственные понятія народа, для лѣтописца, христіанскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, въ которомъ выражаются обыкновеніе понятія народа о духовности человѣка, о загробной жизни. Обычай погребенія у Радимичей, Вя-тичей, Сѣверянъ и Кривичей состоялъ въ томъ, что надъ покойникомъ совершали тризну, потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столѣтіи на распутніи. Въ чёмъ состояла обычай погребенія у Полянъ во времена язычества, объ этомъ лѣтописецъ молчанть, и тѣмъ даетъ знать, что обычай Полянъ былъ одинаковъ съ обычаемъ другихъ племенъ. Что *тризна* была въ употребленіи и у Полянъ, видно изъ того, что св. Ольга, жившая въ Кіевѣ, среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Ноъ именемъ тризны не льзя разумѣть ничего иного, какъ игры въ честь умершаго, борьбы, и т. п. Въ рукописныхъ бесѣдахъ Иоанна Лѣствицкаго слово *тризна* переведено *подвигъ* (2). У Задніыхъ Славянъ слово *тризна*, въ смыслѣ поминовенія по усопшему, употребляется только у Вацерала (228); собственно это слово означало также бой, поединокъ, тризнище—мѣсто бол, тризникъ—подвижникъ; тризничи по Чешски значить бить, а тризновати не только бить, но и насмѣхаться, тоже слѣд. что паше трунить; въ Словацкомъ трунитися, тризничитися знач. веселиться. Въ словарѣ Намвѣ Бернини: «*тризнище*: мѣсто бол, гдѣ

(1) Обычай многоженства сохранился и долго поэлъ: Митрополитъ Иоаннъ въ правилахъ говорить: «Тоже створи, иже бес труда и бѣ-сраха и бѣ-срама двѣ жenъ имѣютъ.» Русск. Достопам. I, 91.

(2) Восток. Опис. Румянц. Музея. N СС. Въ Новогородскомъ словарѣ XV вѣка *тризна* переведено: *страдальство, подвигъ*. Сахарова: «Сказ. Русск. народа», т. II.

бывають поединки, або ширмѣрства, або боюванья, выйтѣчки, або куглярства, и пини таковыи, отъ сего патрижненіе, звитязства увелбеніе, мѣда, даръ звитязства.» Поминки состояли въ веселомъ, пьяномъ пиру. Феофилактъ (1), описывая виаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Дуная, говоритъ, что онъ началъ на князя Мусокія въ раслохъ, когда тотъ, празднуя поминки по братѣ своемъ, былъ пьянъ, а народъ его забавлялся пѣснями. У нашего лѣтописца читаемъ о тризѣ по Игорѣ (2): «И послѣ къ Деревляномъ (Ольга), рѣкунѣ сице: Се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многи въ градѣ, наѣже убисте мужа моего, да поплачуюся надъ гробомъ его, и створю тризну мужу своему.—Они же то слышавше, съвездоша меды многи зѣло, вѣзварниа. Ольга же, понимше мало дружини, легкъо идущи приде къ гробу его, плакася по мужи своемъ; и повелѣ людемъ своимъ съсуги могилу велику; яко сосноша, и повелѣ тризну творити. Но семъ сѣдоша Деревляне иити..... Яко упинашася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ иити на пя (3).» У Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ и Кривичей, по свидѣтельству лѣтописца, мертвыхъ сожигали, и неспѣль собравши въ сосуды, ставили на придорожныхъ столпахъ; впрочемъ, какъ видно, одновременно съ этимъ обычае существоvalъ и обычай погребенія въ могилахъ, преимущественно на мѣстахъ видныхъ, холмахъ и горахъ: Аскольда и Дира погребли на горѣ; Ольга велѣла насыпать надъ Игоремъ могилу велику, и проч. Не должно думать, однако, что этотъ обычай былъ чуждъ племенамъ Славянскимъ, былъ занесенъ Варягами изъ Скандинавіи: онъ существовалъ и у другихъ племенъ, не знавшихъ Варяговъ, напр. у Поляковъ (4); въ Краle-

(1) *Stritteri Memor. Popul. II, 61.*

(2) И. С. Р. Л. I, 24.

(3) Это выражение: «повелѣ отрокомъ своимъ иити на пя» также замѣчательно: не было ли обычая иити въ погибель кому-нибудь, какъ иити за здравіе.

(4) *Blugossi Histor. Polon. I, 1, p. 53. Ad cuius (Gracchi) exequias honestandas, primum Polonorum proceres, caeterumque vulgus promiscuum accurrunt, et juxta morem illius temporis, cadaver suum in monte Lassotino, qui Cracoviensi urbi confrontatus est, justo honore et comploratione sepelivit.*—Тамъ же о погребеніи Ваны, стр. 57.

ворск. рукописи современно упоминаются два эти обряда: сожжение и закапывание въ могилы.

Изъ свидѣтельствъ всѣхъ писателей, и своихъ и чужихъ, оказывается, что Славянскія племена жили подъ формою родового быта. Каждая многочисленная, разветвленная семья или родъ жила особо, подъ управлениемъ своего родопачальника, имѣя свой обычай; обѣ этомъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, говоря: «Живяху каждо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще каждо родомъ своимъ.» Эти родопачальники носили разныя названія — старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей; послѣднее название, какъ видно, было особенно въ употреблении у Славянъ Русскихъ. Слово *князь* или *князь* и произоходить отъ корня *кнз*, предѣль, граница, вершина, началь; корень же *кнз* произоходить отъ Санскритск. *джан* — рождать, и *князь* въ санскрите. имѣть себѣ соотвѣтственныя: джанака, джанитри, откуда латинск. *genitor* (1). Слѣд. *князь* имѣть значеніе чисто родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родопачальника, отца семейства. Отсюда древнее название новобрачныхъ *князь* и *княгиня*, потому что вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, пачальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насть до прихода Варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр. «Се Кий княжаше въ родѣ своемъ.... И по сихъ брати держати почаша родъ ихъ *княженье* въ Шолахъ.» Или: «Наши *князи* добри суть, иже распасли суть Деревьску землю.» Значеніе князя или старшины рода понятно, если этотъ старшина есть отецъ, дѣдъ, прадѣдъ младшихъ членовъ рода: онъ пользуется властію отцовскою надъ дѣтьми. Но если этотъ патріархъ умираетъ, то для рода является необходимость избрать ему преемника, который бы сталъ для младшихъ членовъ *отца мѣсто*, какъ выражались въ послѣдствіи наши Князья. Такъ извѣстная старинная Чешская пѣсня говоритъ: «Когда умретъ глава племени, то всѣ дѣти сообща пользуются имуществомъ, выбравши себѣ изъ рода своего владыку.» — Такъ теперь у южныхъ Славянъ, удержавшихъ

(1) Буслаева: — О вліяніи Христ. на Славян. яз., стр. 164.

формы древяного родового быта, часто деревня состоит изъ одной семьи, которая управляетъ сама собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, *старшины*. Этотъ судья или отецъ не всегда бываетъ физически самымъ старшимъ въ родѣ; опять избирается въ свою должность собраниемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней истории сохранился обрядъ п выражаніе — *посадить князя*; избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранить общественную казну, взносить подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за преступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи домовладыки, какъ жреца, потому что, окруженный всѣми родичами, торжественно кадитъ домашній иконостасъ (1). Изъ исторіи отношеній между Русскими Князьями мы знаемъ также, какимъ исключеніямъ подвергался обычай давать княженіе всегда старшему въ родѣ, знаемъ, какъ измѣнялись понятія о старшинствѣ, какъ терялись права на старшинство въ слѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, личныхъ отношеній, и т. п. особенно когда роль дробился все болѣе и болѣе, линіи расходились и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо проистекала вражда, усобица между членами рода и линіями, отъ нихъ происходившими. Естественно предположить, что такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторженіемъ пѣкоторыхъ линій отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія жилища; но такъ какъ причиной выселеній была вражда, то ясно, что выселившіяся линіи, образовавшись въ особые роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами. Таковы были необходимыя слѣдствія родового быта, подъ формами которого жили Славяне. Прокопій говоритъ, что они не повинуются одному правительству, но изъначала живутъ при пародномъ правленіи (2); это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія,

(1) *Les Slaves de Turquie*, par M. Cyprien Robert, I, p. 78, 79.

(2) *Οικ. ἀρχονται πρὸς ἀνδρός ἐνδος, ἀλλ' ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιῶν βοτεύοσι.*

который говорить, что у Славянъ много царьковъ (1), ибо, съ однай стороны, князья, старшины родовъ могутъ являться въ видѣ правителей, съ другой, родовыя отношенія младшихъ членовъ рода къ старшему не могли быть понятны для Грека, привыкшаго къ отношеніямъ государственнымъ, и онъ поэто-му имѣлъ поводъ сказать, что Славяне живутъ въ демократіи; да и самъ Маврикій, который упоминаетъ о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говорить, что Славяне не знаютъ правительства (ἄναρχα) (2). Но всѣ писатели, хваля Славянъ, между тѣмъ единогласно говорятъ объ ихъ несогласіи, сильной враждѣ другъ съ другомъ; эти свидѣтельства могутъ быть объяснены только родовыимъ бытомъ. Маврикій говоритъ, что Славяне пытаются другъ къ другу ненависть (3); онъ же говоритъ, что они ии въ чемъ не могутъ согласиться другъ съ другомъ, и что по-ложатъ одни, на то не рѣшатся другіе, и ии одинъ не хо-четъ повиноваться другому. Такъ какъ у нихъ много цариковъ, продолжаетъ Маврикій, и эти царики между собою несогласны, то полезно привлекать пѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону (4).

Но при всей враждебности отношеній, какая могла существо-вать между родами, необходимость нерѣдко должна была застав-лять ихъ соединяться въ общихъ совѣщаніяхъ; являлись вѣча, сходки. О вѣчахъ упоминаетъ Проконій, говоря, что у Славянъ бывъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ (5). Но всѣмъ вѣроятностямъ, сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ при-надлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены

(1) Πολλῶν δὲ ὄντων ἡγγῶν.

(2) Тоже самое говоритъ Адамъ Бременскій: Nullum inter se pati dominum volunt.

(3) Μισάλληλα ὄντα.

(4) Πολλῶν δὲ ὄντων ἡγγῶν καὶ ἀσυμφῶνως ἐχόντεων πρὸς ἀλλῆλες, οὐκ ἀτοπον τινὰς ἀντῶν μεταχειρίζεσθαι η̄ λόγοις η̄ διώροις καὶ μάλιστα τὸς ἐγγυτέρω τῶν μεθορίων, καὶ τοῖς ἀλλοις ἐπέρχεσθαι, ἵνα μὴ πρὸς πάντας ἐχθρα ἔνωσιν, η̄ μοναρχίαν ποιήσῃ.

(5) Καὶ διὰ τότο αὐτοῖς τῶν πραγμάτων ἀεὶ τάτε ξύμφορα καὶ τὰ δύσκολα εἰς ποιῶν ἔγεται.

рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ Князьяхъ мы не видимъ вѣчей, по *старцы*, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы изчезаютъ и являются вѣча общепародныя, знакъ ослабленія родового быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ разсказъ лѣтописца о Бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при св. Владимѣрѣ по случаю осады Бѣлгорода Печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ Князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться Печенѣгамъ. Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, и когда узналъ обѣя его рѣшеній, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые одни имѣютъ власть перемѣнить рѣшеніе вѣча, не созывая новаго (1). Наконецъ въ приведенной выше старинной Чешской пѣснѣ говорится, что только одни владыки родовъ ходятъ на спѣмы или вѣча (2). Слово *вѣче* означало неопределѣнно всякое совѣщаніе, всякой разговоръ; изъ этой неопределѣнности значенія видно уже, что вѣче не могло имѣть какихъ-нибудь определенныхъ формъ, уставовъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, здѣсь не могло быть рѣшенія по большинству голосовъ; но такъ какъ разнѣащійся во мнѣніи вовсе не считалъ себя обязаннѣмъ повиноваться рѣшенію другихъ, то большинство должно было постоянно прибѣгать къ физической силѣ для того, чтобы заставить меньшинство принять свое рѣшеніе, въ слѣдствіе чего вѣча должны были почти всегда оканчиваться кровопролитіемъ или вообще насиліемъ надъ меньшинствомъ, чemu лучшимъ примѣромъ служатъ вѣча Новгородскія. Дитмаръ Мерзебургскій говоритъ о вѣчахъ Лутичей, что здѣсь въ рѣшеніяхъ все должны быть согласны; если же кто противорѣчитъ, того бьютъ розгами; а если и послѣ того опять

(1) Н. С. Р. Л. I, 55.

(2) *Wladyku si z roda wyberucc,*

Ky plzne—dle w snemu slawny chodi,

Chodi z kmetmi, s lechы, wladykami.

будеть явно сопротивляться приговору, то теряетъ все свое имущество отъ огня и разграбленія, или долженъ откупаться деньгами (1).—

Что касается до отнoшeнiя къ собственности, то родовой быть условливалъ общую нераздѣльную собственность, и на оборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, выдѣленiе условливало необходиmo и расторженiе родовой связи. Приведенная не разъ старинная Чешская пѣсня говоритъ: «когда умретъ родоначальникъ, то всеѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣнiемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода.» Общее владѣнiе родовою собственностию необходиmo заставляло родичей возстановить значенiе отца, выбрать кого-нибуль изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибуль вмѣсто отца, слѣд. возобновленiе прежнихъ отnошeнiй, какъ они были при жизни отца, условливало необходиmo и общее, нераздѣльное владѣнiе.

Не смотря на давнее существование городовъ среди Славянскихъ земель, родовой быть не могъ благопрiятствовать ихъ размноженiю, ибо при немъ каждый родъ любилъ жить особо, чemu много способствовало неизмѣримое, дѣственное, мало населенное пространство земель, обитаемыхъ Славянами. Эта особность и разсѣянность заставили даже Прокопiя думать, что Славяне и самое имя свое получили отъ разсѣянныхъ въ далекъ другъ отъ друга жилищъ—*Σπόροι* отъ *σποράδη* (2). Тотъ же Прокопiй говоритъ о Славянахъ, что они живутъ въ дрянныхъ избахъ, находящихся въ далекомъ разстоянiи другъ отъ

---

(1) *Thietmar. Merseburg.* ap. Pertz, V, 812: *Liutici unanimi consilio ad placitum suimet necessario discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant. Si quis vero ex eonprovincialibus in placito his contradicit, fustibus verberatur, et si forinsecus palam resistit, aut omnia incendio et continua depraedatione perdit, aut in eorum praesentia pro qualitate sua pecuniae persolvit quantitatem debitae.*

(2) *Σπόροις γὰρ τὸ παλαιὸν ἀμφοτέροις ἐκάλεντο, ὅτι δὴ σποράδην, οἷματι, διεσπηνημένοι τὴν γῶραν οἰκέσσοι διὸ δὴ καὶ, γῆν πολλὴν τινα εχθεσι. τὸ γὰρ πλειστον τῆς ἐτέρους τε Ιστρα ὅγδης αὐτοὶ νέμονται.*

друга, и часто перемѣняютъ мѣсто жительства (1). Но эта непрочность и частая перемѣна жилищъ не была слѣдствіемъ малой осѣдлости, еще неискоренившагося влеченія къ кочевой жизни; она была слѣдствіемъ безпрерывной опасности, которая грозила Славянамъ и отъ своихъ родовыхъ усобицъ и отъ нашествій чуждыхъ народовъ. Вотъ почему Славяне вели тотъ образъ жизни, о которомъ говорить Маврикій: «У нихъ недоступныя жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устроиваютъ многіе выходы на всякий опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землею, не имѣя ничего лишняго наружки, по живя какъ разбойники (2). Однакаѣ причина, дѣйствовавшая долгое время, производила однакаѣ слѣдствія. Жизнь въ безпрестанномъ ожиданіи враждъихъ нападеній продолжалась для восточныхъ Славянъ и тогда, когда они уже находились подъ державою Князей Рюрикова дома: Печенѣги и Половцы смѣнили Аваръ, Козаръ и другихъ варваровъ, усобицы княжескія смѣнили усобицы родовъ, остававшихъ другъ на друга, слѣд. не могла исчезнуть и привычка перемѣнять мѣста, бѣгая отъ непріятеля; вотъ почему Киевляне говорятъ Ярославичамъ, что если Князья не защищать ихъ отъ гибели старшаго своего брата, то они покинутъ Киевъ, и уйдутъ въ Грецію. Половцевъ смѣнили Татары, княжескія междуусобія продолжались на сѣверѣ, на югѣ настали Польскія насыпія, и чѣмѣдѣ видимъ? на сѣверѣ, какъ скоро начнутся княжескія усобицы, сопровождавшіяся насыпіями для народа, послѣдній покидаетъ свои жилища, съ прекращеніемъ же усобицъ возвращается назадъ; на югѣ безпрестанные побѣги успѣваютъ казачество, и послѣ на сѣверѣ розбрестися разно отъ

(1) Οἰκεῖοι δὲ ἐν καὶ νόμαις οἰκτραῖς διεσκητημένοι πολλῷ μὲν ἀπ' ἀλλήλων. ἀμείζοντες δὲ ὡς τὰ πολλὰ τὸν τῆς ἐνοικήσεως ἔπασον γῶνον.

(2) Ἐν ὕλαις δὲ καὶ ποταμοῖς καὶ τέλμασι καὶ λίμναις δυσβάτοις οἰκεῖται, καὶ πολυσχεδεῖς τὰς ἐξόδους τῶν οἰκήσεων ποιέμεναι, διὰ τὰς ὡς εἰκὸς συμβανέσσεις αὐτοῖς περισάσεις. Τὰ ἀναγκαῖα τῶν πραγμάτων αὐτῶν ἐν ἀποκρύφῳ χωννύσοιν, ἐδὲν περιτιὸν ἐν φανερῷ κεκτημένων, καὶ βίον ἕσσαντα ληστικόν.

какого бы то ни было насилия и тяжести было ни почемъ для жителей. Не нужно прибавлять, что природа страны сильно благопріятствовала такимъ переселеніямъ. Привычка довольствоваться малымъ и всегда быть готовымъ покинуть жилище, поддерживала въ Славянинѣ отвращеніе къ чужому игу, о чемъ замѣтилъ Маврикій (1). Родовой бытъ, условившій разъединеніе, вражду, и слѣд. слабость между Славянами, условливала необходимо и образъ веденія войны, рѣдко наступательной, большою частію оборонительной. Не имѣя одного общаго начальника, и враждую другъ съ другомъ, Славяне уклонялись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ, внезапно, хитростью; любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятеля бѣгствомъ, и потомъ возвратившись, напоили ему пораженіе. Вотъ почему Императоръ Маврикій совѣтуется нападать на Славянъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движеніямъ бѣгущихъ, да и съѣстившихъ припасовъ у нихъ тогда мало. Особенно отличались Славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться гораздо дольѣ, чѣмъ люди другаго племени; они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту выдолбленный тростникъ, котораго верхушка выходила на поверхность рѣки и такимъ образомъ проводила воздухъ скрытому пловцу. Вооруженіе Славянъ состояло въ двухъ малыхъ копьяхъ; нѣкоторые имѣли и щиты, твердые и очень тяжелые; употребляли также деревянные луки и маленькия стрѣлы, намазанныя ядомъ, очень действительными, если искусный медикъ не подастъ скорой помощи раненому. Кромѣ этихъ пзвѣстій Маврикія, у Проконія читаемъ еще, что Славяне, вступая въ битву, не надѣваютъ латы; на нѣкоторыхъ нѣть даже ни плаща, ни рубашки, одни только норты; вообще Проконій не хвалить ихъ за опрятность, говорить, что, подобно Массагетамъ, они были

(1) Τὰ ἐφη τῶν Σκλάρων καὶ Ἀντῶν ὅμοδιαι τάτε καὶ ὅμότροπα εἰσὶ καὶ ἐλεύθερα, μηδαμῶς δειλόσυαι οὐ ἀρχεοθαι πειθόμερα.

покрыты грязью и всякою нечистотою (1). Какъ всѣ народы, въ простотѣ быта живущіе, Славяне были здоровы, крѣпки, легко сносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждахъ и пищѣ. О наружности древнихъ Славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны и крѣпки; кожа у нихъ не совершенно бѣла, волосы длинные, темпорусые, лицо красноватое.—

Что касается до религіи Славянъ, то верховнымъ божествомъ ихъ былъ *Сварогъ*. Филологически это название объясняется изъ санскритскаго: сварга—coelum Indri, aether (2); въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтоисчислѣніе читаемъ слѣдующее о Сварогѣ (3): «И бысть по потопѣ и по раздѣлены языкъ, иocha царствовати первое Мѣстромъ отъ рода Хамова, ио немъ Еремія, ио немъ Феоста, иже и *Соварога* нарекоша Егутяніе; царствуюши сему Феостѣ въ Егуптѣ, въ время царства его, спаоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье.» — И такъ Славянскій Сварогъ объясняется здѣсь отождествленіемъ его съ древнимъ Феостомъ или Ефестомъ, Вулканомъ, Египетскимъ Фта; Вулканъ есть богъ молніи, ковачъ небеснаго, божественнаго оружія, въ его царствованіе «спаоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье.» Что Славяне признавали верховнымъ господомъ вселенной бога, производителя молніи, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ Илліоний (4). Но у этого верховнаго бога, бога молніи, было еще другое народное название *Перунъ*; и такъ имѣемъ право заключить, что Сварогъ и Перунъ суть различныя названія одного и тогоже божества.

Что Сварогъ—Перунъ, богъ молніи, былъ верховнымъ богомъ, распорядителемъ, раздаителемъ всего, на это ясно указываетъ

(1) *Διαιταν δέ σκληράν τε καὶ ἀπημελημένην, ὥσπερ οἱ Μασσαγέται, καὶ ἀυτοὶ ἔχοντες καὶ ψύπες, ψυροὶ ἐκεῖνοι, πλήρεις ἐνδελεχέστατα μένοσι.*

(2) См. ст. *Шафарика* «О Сварогѣ», перев въ Чтепіяхъ Московск. Общ. Истор. и Арх. № 1, 1846 г.

(3) И. С. Р. Л. II, 3.

(4) *Θεὸν μὲν γάρ ἔνα, τὸν τὴν ἀστραπῆς. δημιουρὸν ἀπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζοντι εἶναι.*

одна Сербская пѣсня, въ которой такъ говорится о могуществѣ молиціи (1):

<p>Стаде муня даре дијелити: Даде Богу небесне висине, Свѣтом Петровске врутине,</p>	<p>А Јовану леда и свијега, А Николи па води слободу, А Плији муніе и стријеле.</p>
--	---

На связь Сварога-Перуна съ оружіемъ указываетъ обычай клясться предъ Перуномъ, полагая оружіе (2); вмѣстѣ съ оружіемъ клади и золото, приговаривая: «Аще ли отъ тѣхъ самѣхъ прежереченыхъ не съхранимъ: да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ колоти (золоти) яко золото, и своимъ оружіемъ да исѣчени будемъ. » Слова: « да будемъ золоти яко золото » объясняютъ такъ: изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огия (3). Сварогъ-Перунъ въ народномъ воображеніи представлялся божествомъ-воителемъ, котораго оружіе было особенно направлено противъ злыхъ духовъ: вѣроятно присутствію послѣднихъ приписывали сгущеніе атмосферы, исчезавшее послѣ грозы. Такъ и теперь простолюдины, во время грозы, затворяютъ окна, опрокидываютъ сосуды, даже чайныя чашки и рюмки, увѣряя, что злые духи, гонимые молицію, стараются скрыться въ какбѣ-нибудь отверстіе.

Верховное божество Сварогъ-Перунъ порождало двоихъ сыновей, двухъ Сварожичей: Солнце и Огонь. Въ приведенномъ выше мѣстѣ Инатьевскаго списка лѣтописи читаемъ далѣе: « И по семъ (т. е. по Сварогѣ) царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же паричютъ Дажьбогъ.... Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ. » Братомъ солнца, сыномъ Сварога называется также и огонь: « Огнені молятся, зовутъ его Сварожицемъ (4). » Одного изъ Сварожичей обожали и Западные

(1) Вука Стефановича I, № 230.

(2) П. С. Р. Л. I. 23: Заутра призыва Игорь слы, и приде на холмъ, кдѣ стояше Перунъ, покладоща оружье свое и щиты и золото. Тамъ же стр. 31.

(3) О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ, соч. Фед. Буслаева, стр. 13.

(4) Востокова Опис. Рум. Музея. 228.

Славяне (1). Солнце носило разныя названия: мы видѣли, что оно во первыхъ называлось Даждбогомъ, Даждьбогомъ, Дажбою; но, подобно тому, какъ верховное божество грома и молний, кромѣ Славянского названия Перуна, носило еще восточное название Сварога, такъ точно и Солнце, кромѣ Славянского имени Даждьбога, имѣло еще восточное Хорса или Короса (2). Солнце, какъ видно, считали Славяне преимущественно своимъ божествомъ; на это указываетъ Слово о Полку Игоревѣ, гдѣ Русские называются внуками Даждь-Бога. Но если солнце Даждьбогъ есть дѣдъ Русского народа, дѣдъ Славянъ, то его подъ этимъ именемъ величаютъ и до сихъ поръ въ пѣсняхъ: *Дѣдъ* или *Дидъ*; здѣсь же, въ пѣсняхъ, у него есть и другое имя—*Ладо*—свѣтъ, красота, миръ, любовь, радость. Другое название божества солнца, встрѣчающееся въ нашихъ пѣсняхъ, есть *Лѣль*, *Люль*: Лѣль значитъ также дѣдъ: по древянски дѣдъ *lgbolga*, т. е. *ljolja*; отсюда Богъ назывался *nos lgbolga*, т. е. нашъ дѣдъ, нашъ прадѣдъ (3). Что солнце считалось дѣдомъ или отцомъ народа, на это указываетъ слѣдующая извѣстная пѣсня:

Солнышко, солнышко,
Выглажи въ окошечко!

Твои дѣтки плачутъ,
Пить, есть просить (4).

(1) *Thietmaris Chronicon*, L. VI, cap. 17 in Pertz Monum t. V, p. 812: *Est urbs quaedam in pago Riedirierun, Riedegost nomine... In eadem est nil nisi fanum de ligno artificiose compositum, quod pro basibus diversarum sustentatur cornibus bestiarum. Hujus parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae, ut cernentibus videtur exterius ornant; interius autem dstant manufacti, singulis nominibus insculpti, galeis atque loricis terribiliter vestiti, quorum primus Zuarastci dicitur et prae caeteris a cunctis gentilibus honoratur et colitur.*

(2) О тождествѣ Хорса и Даждбога, см. статью О. Бодянского, въ Членіяхъ Моск. Истор. Общ. 1846 г., № 2:

(3) *Добровскаго Slovanke I*, 13.

(4) Или: Солнышко, ведрышко,
Выглажи въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ,
Сыръ колуваютъ,

Собакамъ бросаютъ;
Собаки то не боятъ,
А куры то не клюютъ.
Солнышко покажись, и проч.

См. Вука Стеф. Карадж. Српске нар. пејсме I, 49, 97, 111, 119, 198, 199, 276, 277, 336, 312. Крау, свѣтли Крау лезо!

Далѣе, по одинакимъ съ Греками представлениямъ, божество солнца у Славянъ почиталось также божествомъ губительнымъ не только для враждебныхъ ему силъ природы, холода, мрака, но и для всего живущаго; въ этомъ смыслѣ оно носитъ название *Карачуна* (Аиолонъ-губитель), Крачупа, Кречуна: отсюда въ Сербскихъ пѣсняхъ оно называется *старыиъ кровникомъ*: «од бога од старог Крвника (1).»

Какъ вездѣ, такъ и у насть имя Ладо, языческаго божества, нослѣ принятія христіанства, перешло въ имя бѣса, получило дурное значеніе; народъ говорить: ступай къ Ладу или къ Ляду, вмѣсто: ступай къ черту; лядашій значитъ слабый, лрянной; самое слово *дѣдъ*, какъ название языческаго божества, начало означать черта: Шамва Берында отличаетъ дядко отъ дѣдко: «спице бо пѣцши обыкоша діавола именовати.»

Кромѣ Перуна и Хорса-Дажбога, въ Кіевѣ, во времена Владимира, стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первомъ, какъ о богѣ вѣтровъ, можно заключать изъ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ вѣтры называются Стрибоговыми внуками; обѣ остальныхъ же двухъ мы, въ настоящее время, не можемъ предложить ничего вѣрнаго (2). Гораздо определеннѣе сказано въ лѣтописи о Волосѣ; такъ читаемъ (3): «А Ольга водиша и мужій его на роту; по Рускому закону кляща оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьнимъ богомъ.» Въ другомъ мѣстѣ (4): «Да имѣмъ

(1) Вука Стеф. II, 440.—«Можетъ быть, замѣчаетъ Буслаевъ (О вліян. Хр. стр. 123), въ этомъ языческомъ представлениѣ заключается причина названій многихъ болѣзней отъ богъ: богине—осна, божій бичъ, божа моць—падучая болѣзнь, божа рука—ударъ, божа рана—чума, божіе—обморокъ.»

(2) По мнѣнію покойнаго Ирейса (См. Донесеніе его Г. Министру Народ. Просв. изъ Праги, отъ 20 Декабря 1840. Ж. М. Н. П. 1841, часть XIX) членіе Сема (Сима) и регла должно быть предпочтено членію Симарглы; Сима и регла Ирейсъ считаетъ за одно съ Ассирийскими божествами *Едуел* и *Абидад*, какъ они читаются въ Библіи (Кн. Царствъ IV, 17, 30); Симъ оказывается божествомъ огня. Мокошь считаетъ Ирейсъ божествомъ женскаго рода, Астартю, при чемъ указывается на древнєе слово *мокачный*, употребленное пѣснью разъ у Даніила Пазомника.

(3) П. С. Р. I, 1, 13.

(4) Тамъ же, 31.

клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотъ бога. * Это божество такъ странно является среди стихийныхъ божествъ Славянскихъ, что приходитъ на мысль, не заимствовано ли оно у какого-нибудь чуждаго народа, съ которыми Славяне находились въ постоянномъ соприкосновеніи. У Финновъ есть божество, которое считается господиномъ надъ животнымъ царствомъ кромъ человѣка; это божество носить общее имя *Сторюнкора*, что значитъ *великий господинъ* (1). У Финновъ животное пользовалось особыннымъ уваженіемъ, какого не замѣчаемъ у Славянъ и другихъ Европейскихъ народовъ, слѣд. у Финновъ скорѣе могло образоваться понятіе объ особомъ божествѣ для скотовъ. Замѣтимъ также, что св. Авраамій въ XII вѣкѣ разрушилъ кумиръ Велесовъ на Финскомъ сѣверѣ, въ Ростовѣ (2); кумиръ этотъ былъ въ видѣ *камня*: это объясняется намъ, почему въ начальной лѣтописи мы не находимъ извѣстія объ истуканѣ Волоса въ числѣ истукановъ другихъ божествъ; св. Власій, смѣнившій въ народныхъ понятіяхъ Волоса, особенно почитается теперь па Финскомъ же сѣверѣ, напр. на рѣкѣ Вагѣ, въ Шенкурскомъ и Вельскомъ уѣздахъ (3); Мордовскій праздникъ Вел-Окъ напоминаетъ также Велеса (4). Наконецъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ мы находимъ, что пѣвецъ Баянъ называется Волосовымъ внукомъ, изъ чего можно заключать, что пѣвцы находились подъ особыннымъ покровительствомъ этого божества. Для объясненія этого замѣтимъ, что по Фински *тапа* значитъ и пѣснь, и письмо, и мистерія, и символъ, что *вѣтіе* въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ пѣспотворецъ, *вѣтѣство* употреблялось въ смыслѣ колдовства (5), колдовствомъ же отличались особенію Финны.

Мы видѣли, что главныя божества восточныхъ Славянъ были стихийныя—Сварогъ—Перунъ и двое дѣтей его, двое Сварожичей—Солнце (Хорѣй—Дажбогъ) и Огонь: «Уже бо не нарече

(1) Mone—Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa, I, 36.

(2) Прологъ и Милей 29 Октября.

(3) Снегирева Р. простон. праздн. III, 156.

(4) Тамъ же, стр. 138.

(5) Буслаева—О вѣ. Хр. на Сл. яз. стр. 172 и съдѣ.

кутся богомъ стихіа, ни солнце, ни огнь,» говоритъ Киприанъ Туровскій. Вода, обоготворялась ли она, или иѣть въ образѣ Мокоша, пользовалась также религіознымъ уваженіемъ: «Овъ трѣбу створи на студеньцы дѣждъ псы отъ него, забывъ яко Богъ сть небесе дѣждъ даетъ. Овъ несущимъ богомъ жретъ и Бога створыаго небо и землю раздражаетъ. Овъ рѣку богиню нарицаєтъ и зѣбръ живущъ въ ней яко Бога нарицая, трѣбу творить (1).» Связь между Стрибогомъ и вѣтрами очевидна изъ Слова о П. И.—Теперь обратимся къ простонароднымъ праздникамъ, въ которыхъ ясно видно, что они въ древности совершились въ честь стихійныхъ божествъ. Первый праздникъ отпраздновывается въ концѣ Декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; второй праздникъ въ началѣ весны, когда солнце теплотою своею прогоняетъ зиму; наконецъ третій праздникъ въ концѣ Июня, когда солнце достигаетъ высшей степени своей силы и дѣятельности. Первый праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носить преимущественно название *Коляды*, хотя это же название придается и остальнымъ двумъ праздникамъ солнца. У иѣкоторыхъ восточныхъ Славянскихъ племенъ вечеръ на Рождество Христово называется *Керачунъ-вечеръ*, вечеръ Карабчуна (солнца, губящаго мракъ и холодъ, см. выше); Карабчунъ былъ извѣстенъ и на сѣверѣ; такъ въ Новгородской лѣтописи читаемъ: «Стояше вся осеніна дѣждева, отъ Госпожина дни до Корочуна (2).» Что касается до словопроизводства *Коляды*, то очень вѣроятно, что одною изъ составныхъ частей служитъ слово: *Ладо*: *ко-Ладу* или *коло Лада*. Существенный обрядъ праздника состоитъ въ хожденіи славить, прославлять божество, и сбирать подаянія; какъ видно, во времена языческія приношенія собирались для общей жертвы: это видно изъ того, что въ Хорутанскомъ народѣ калдовати (*колядовати*) до сихъ поръ значить приносить жертву, калдовавъ-жрецъ, калдовница-жертвеникъ (3). Изъ

(1) Кеппена—Бібліogr. листы № 7, стр. 88.

(2) И. С. Р. Л. III. стр. 9, годъ 1143. Теперь въ народѣ Рождественскій постъ называется Корочуномъ.

(3) Среднєвскаго—Свят. и обр. яз. богосл. древ. Слав. стр. 66.

обрядовъ коледы въ вечеръ 24 Декабря осталось до сихъ поръ у южныхъ Славяхъ принятіе Каражуна: приготавляютъ большой пиръ, пекутъ огромной величины хлѣбъ, называемый Каражунъ или Каражунъ. Съ появлениемъ звѣзды двое почтительно выносятъ большой овсяный или ячменный спонъ, и ставятъ его въ уголъ избы; прочіе встрѣчаютъ его осыпкою зерновымъ хлѣбомъ изъ миски (1). У Сербовъ вечеръ наканунъ Рождества называется *бадній вѣчеръ*: вырубаютъ большое полѣно—баднякъ, и кладутъ въ печь, зажигая съ двухъ концовъ. Когда внесутъ его въ домъ, то посыпаютъ пшеницею, и кто виѣсть говорить: «добры вѣчерь и честиты бадни вѣчерь.» Хозяинъ отвѣчаетъ: «И съ тобомъ заедно срѣчно и честито,» и снова посыпаетъ баднякъ пшеницею, приговаривая: «Я тебя пшеницею, а ты меня мушкими главами, стокомъ и пченицомъ и свакомъ добромъ сречомъ.» Послѣ такой встрѣчи кладутъ его въ печь и зажигаютъ; начинаютъ пить изъ круговой чаши, и каждый, взявъ чашу, прежде нежели начнетъ пить, плашетъ на бадняка, приговаривая: «будь здравъ, бадняче, вѣселяче, съ великомъ и добромъ сречомъ у кучу улега.» Полѣно лежитъ въ печи и тлѣеть до самаго новаго года (2). Изъ обряда ясно видно, что баднякъ былъ изображеніемъ божества, которому праздновали. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ *Авсеня* или *Таусеня*: это измѣненное *Ясель*, другое имя солнца (3). Изъ пѣсень колядныхъ для насть замѣчательна слѣдующая:

Уродилась Коляда
Наканунъ Рождества
За рѣкою, за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великие,
Вокругъ огней скамы стоять,
Скамы стоять дубовые,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,

Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни колодушки.
Въ серединѣ ихъ старикъ сидить,
Онъ точить свой булатный ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возѣтъ котла козелъ стонѣтъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

(1) Терещенко—Бытъ Рус. народа, ч. VII, стр. 20.

(2) Попова—Путешествіе въ Черногорію, стр. 223.

(3) Dlugossi—Hist. Pol. I, I, p. 36.

Для объясненія этой пѣсни приведемъ разсказъ объ языческомъ праздникѣ племенъ Латышскихъ: поселяне изъ многихъ деревень собирались на одно мѣсто, гдѣ раскладывали большой огонь и приводили козла; верховный жрецъ клялъ на него обѣ руки, и призывалъ боговъ; послѣ этого присутствовавшіе поднимали козла, и начинали пѣсни, но окончаніе которой опять опускали козла на землю. Потомъ верховный жрецъ увѣщевалъ народъ, прославляя благолѣянія боговъ, и требовалъ у присутствующихъ, чтобы они достойнымъ образомъ совершили праздникъ; пакоицъ убивали козла, и мясо отдавали женщинамъ для приготовленія; пиръ продолжался до утра (1). — Въ одномъ актѣ XVII вѣка говорится, что въ павечеріи Богоявленія въ Москвѣ народъ кликалъ *Плуту* (2). Что это было за божество — мы не знаемъ; замѣтимъ одно, что обыкновенно послѣ принятія Христіанства имена божествъ, какъ имена бѣсовъ, дѣлались предметомъ омерзенія для народа, словами бранными; мы видѣли, что такая участіе постигла Ладо; тоже самое случилось и съ Плутою или Плюгою, ибо отсюда произошли слова: плюгавый, плюгавство.

Второй праздникъ имѣлъ мѣсто въ началѣ весны; но такъ какъ это время приходится въ Великій постъ, то, по принятіи Христіанства, празднованіе перенесено на конецъ Рождественского мясоѣда, и отчасти на Свѣтлое Воскресеніе. И такъ масляница есть языческій весенний праздникъ. На отношеніе масляницы къ солнцу указываетъ слѣдующее обыкновеніе: на огромныхъ саняхъ возятъ наряженаго мужика, который сидитъ на колесѣ вверху столба, утвержденнаго посреди сапей (3); колесо же было у языческихъ народовъ изображеніемъ солнца (4); притомъ на сѣверѣ во время масляницы поютъ также коляду (5), что указываетъ на отношеніе масляницы къ зимнему празднику солнца. Что масляница есть собственно весен-

(1) *Eckermann Lehrbuch der Religionsgeschichte und Mythologie der Slawischen Stämme*, II, 70.

(2) Царская грамота къ Шуйскому воеводѣ Змееву 1649 года.

(3) Снегирева Р. И. II, 127, 128.

(4) *Grimm—D. Mytholog.* I, 378.

(5) Сахар. Сказ. Р. и. II, ст. нар. праздн. и обыч. стр. 73.

ній праздникъ, праздникъ встрѣчи весны и проводовъ зимы, указываетъ слѣдующій обычай: въ среду на пятой недѣлѣ Великаго поста въ селеніяхъ Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи бывають сходбица по избамъ для проводовъ зимы. Послѣ работы выходятъ мужчины и женщины на улицу, берутъ по горсти снѣгу и бросаютъ на югъ. Молодые, неженатые мужчики вывозятъ сани, сажаютъ въ нихъ дѣвицъ и женщины, съ шумомъ и крикомъ возятъ ихъ по улицамъ, и проч. (1). Извѣстно, что послѣдній обычай есть масляничный. Встрѣча весны и проводы зимы празднуются у всѣхъ Славянскихъ народовъ почти съ одинаковыми обрядами (2). Употребляется заклинаніе весны съ разными привѣтами, напр.

Весна, весна красная!

Приди весна съ радостью, и проч.

Въ Малороссіи и у западныхъ Славянъ зима или смерть олицетворяется въ образѣ женщины, подъ именемъ Мары, Мараны, Марены, чучелу которой сожигаютъ. При этомъ у Чеховъ поется:

Giz nesem smert ze wsy.

Nove leto do wsy.

Witey leto libeckne,

Obiliczko zelene.

Или «Smrt plyne po wode, nowe leto k nam gede.» Весна встрѣчается обыкновенно на *красной горкѣ*. Тутъ начинаются хороводы или короводы, религіозное значеніе которыхъ и прямое отношеніе къ солнцу не подлежитъ сомнѣнію; это видно уже и изъ самаго названія (короводъ или хороводъ отъ *короса* или *хороса*, божества солнца) и изъ круговой формы. Время воскресенія всей природы и усиленія желаній было самымъ пріятливымъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ и для поздравленія молодыхъ супруговъ. Это поздравленіе извѣ-

(1) Тамъ же, стр. 93.

(2) Ср. обычай разныхъ народовъ, Славянскихъ и неславянскихъ, у Гrimma—D. Mythol. II, 742.

стно подъ именемъ *въюнства*, отъ словъ *въюнъ* и *въюница*, т. е. юпъ и юница, молодой и молодая (1).

Третій праздникъ имѣеть мѣсто 23 июня, и извѣстенъ подъ именемъ Ивана *Купалы*, потому что происходитъ на Ивановъ день. Этотъ праздникъ есть общій не только всемъ Славянскимъ, но и многимъ чужемълеменнымъ народамъ (2). Что касается названія *Купалы*, то мы не рѣшаемся дать предпочтеніе которому нибудь изъ двухъ словоизводствъ—отъ купанья или отъ *купы*, собранія народа, торжества, праздника по преимуществу. Хотя по обрядамъ празднества можно догадываться, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ — обонимъ Сварожичамъ — Солнцу и Огню, и водѣ; однако можно относить его и къ одному солнцу. Очень естественно могло произойти вѣрованіе, что солнце, дающее силу растеніямъ, особенно даетъ ее, когда само достигаетъ высшей силы; это вѣрованіе должно было повести къ обычаяу собирать травы въ лѣтній праздникъ солнца, и приносывать имъ чудодѣйственную силу. Съ другой стороны солнце, производя сильное вліяніе на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вѣра въ цѣлительность купанья во время лѣтняго солнцестоянія, независимо уже отъ естественного обычая обмыться ночью, чтобъ встрѣтить въ чистотѣ восходящее свѣтило — божество. Наконецъ зажиганіе костровъ было необходимо для всякаго ночнаго собранія, ночныхъ игръ, было необходимо также и для жертвоприношеній; прыганіе же чрезъ зажженные костры имѣло значеніе очищенія. Вотъ почему ночь на Ивановъ день сопровождается 1) собираниемъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ черезъ нихъ. Естественно также, и потому общѣ не однимъ только Славянскимъ народамъ, принесеніе въ жертву, сожженіе бѣлаго пѣтуха, птицы, привѣтствующей разсвѣтъ, угодной солнцу (ср. самое названіе: курь-коръ, корсь, хорсь); бѣлый цвѣтъ пѣтуха также относился къ послѣднему. Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣй-

(1) См. подробности у Спегир. Р. П. П. III, 28, и Терещенки: *Бытъ Р. П. V*, 16.

(2) Ср. Гримма *De. Mythol.* I, 583 и слѣд.

ныхъ явлений. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣки бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто, и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою. Утверждаютъ еще, что кто имѣеть при себѣ паспортникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждого творенія, можетъ видѣть, какъ разходятся дубы, и составляютъ свою бѣжду, можетъ слышать ихъ разговоры про богатырскіе свои подвиги.—Въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ — серебряномъ, золотомъ и бриллиантовомъ, на встрѣчу своему супругу, мѣсяцу; въ проѣздѣ свой оно пляшетъ, и разсыпаетъ по небу огненные искры (1).

И въ лѣтній праздникъ повторяется въ честь солнца обрядъ истребленія чучелы Мары,—холода, смерти: ее топятъ въ водѣ. Естественно ожидать, что у народа, потерявшаго уже смыслъ совершаемыхъ имъ обрядовъ, должно происходить, съ теченіемъ времени, смышеніе послѣднихъ; такъ названіе праздниковъ *Коляда* и *Купала* явились уже названіемъ божествъ; такъ чучело Мары смышилось уже съ чучеломъ Купалы, хотя иѣсня отличаетъ различіе:

Ходыли девочки около Мареночки,
Коло мое водыла Купала;
Гратыми сонечко на Ивана, и вроч.

Солнце, дающее жизнь и ростъ всему существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественные желания; отсюда празднество Купалы было соединено съ празднествомъ Ярилы (2). Въ иѣкоторыхъ мѣстахъ и въ позднѣйшія времена праздникъ Ярилы совершался 24 июня; но вѣроятно сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, что празднованіе его во время поста отмѣнено было въ большей части мѣстъ и перенесено на заговѣнья, на день Всѣхъ Святыхъ или Троицынъ день, или на разговѣнья, на другой день праздника Петра и

(1) Терещенко—Б. Р. Н. V, 79.

(2) Иванъ Купало между чернью называется Ярилою въ Ярославской, Тверской и Рязанской губерніяхъ. Снегирева Р. П. II, 1, 179.

Павла. Такъ какъ въ древности праздникъ Ярлы, по всѣмъ вѣроятностямъ, совпадалъ съ праздникомъ Купалы, то во время его то преимущественно и должны были происходить тѣ сцены, противъ которыхъ такъ вооружается лѣтописецъ и позднѣйшее духовенство; здѣсь, вѣроятно, происходило и умыканіе лѣвицъ: «Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаваху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщащеся.» Игра *горълки* всего лучше напоминаетъ это умыканіе «съ пею же съвѣщащеся.» Самое название *горълки* показываетъ, что эта игра особенно производилась во время *горълокъ*, во время ночнаго празднества, при горѣніи костровъ. Въ Стоглавѣ (вопросъ 24) читаемъ «Русаліи о Іоаніи днѣ, въ навечеріи Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены и лѣвицы на иощное пленеваніе, и на безчинній говоръ, и на плясаніе и на скаканіе, и на богомерзскія лѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и лѣвамъ растѣніе, и егда иощь мимо ходить, тогда отходять къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсні, умываются водою; и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходять въ домы свои, и падаютъ аки мертвія отъ великаго хлохотавія (1).»

Мы разсмотрѣли поклоненіе стихійнымъ божествамъ; теперь обратимся къ другой половинѣ Славянской мифологии, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ; это поклоненіе у Славянъ было общее съ народами, у которыхъ господствовалъ родовой бытъ, и особенно съ племенами Финскими и Латышскими (2). При вѣрѣ въ загробную жизнь естественно было прийти къ тому вѣрованію, что душа умершаго родоначальника и по смерти остается съ своимъ родомъ, блюдетъ за его благосостояніемъ; отсюда происхожденіе духовъ покровителей для щѣлаго рода и каждого родича — *Рода* и *Рожаницъ*: «Молятся

(1) О празднествѣ Купальской ночи см. *Посланіе игумена Елизаровской обители Памфилы въ 1303 году въ Дополн. къ акт. истор. т. I, № 22*, также въ *Чтеніяхъ Московск. Истор. Общ. № 4, 1846 г.*

(2) *Mone I, 39: Dass nun bei diesem Volke die Geisterlehre so sehr ausgedehnt wurde, ist nicht zu verwundern, eben so wenig, dass die Hausgeister, welche gewiss die zauberkräftigen Seelen der Väter waren, auf die Nachkommen forterblieben.*

роду и рожаницамъ....» «беззаконная трапеза, мѣнная роду и рожаницамъ,» читаемъ въ древнихъ христіанскихъ поученіяхъ (1). Хорутане вѣрятъ, что всякий человѣкъ, какъ только рождается, получаетъ въ себѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роженицу. *Родомъ* называется въ иѣкоторыхъ Славяно-церковныхъ рукописяхъ, равно какъ и въ словѣ *Данила Заточника*, духъ или привидѣніе: «дѣти бѣгаютъ рода.» Въ значеніи Рода, божества-покровителя, является *шуръ*, лѣдъ, прадѣль, что ясно изъ употребительного *прашуръ*; *шуръ* предполагаетъ форму *шуръ*, подъ которымъ именемъ собственно и известно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно, когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: «Чуръ меня! Чуръ меня!» говорить онъ тогда. Съ достотовѣрностію можно положить, что *Чуръ* и *Родъ* одно и тоже; должно думать также, что съ упадкомъ рѣдового быта и съ усиленіемъ Христіанства на счетъ язычества Чуръ или Родъ перешелъ въ Домового. Любопытно видѣть, какъ вражда рѣдова отразилась въ повѣрья о домовыхъ: какъ человѣкъ опасался человѣка изъ чужаго рода, такъ точно видѣлъ большую опасность и со стороны чужаго домового; въ заговорахъ читаемъ: «Отвожу я отъ тебя: черта страшнаго, отгоняю впхоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужаго домового» (2). Домовые у Сербовъ извѣстны подъ именемъ *Вѣдогоней*, духовъ, охраняющихъ ломы и пмѣни каждого отъ воровъ и другихъ вѣдогоней. Когда вѣтеръ срываетъ листья съ деревъ и, колеблясь, они несутся по воздуху, то говорятъ: дерутся вѣдогони (3).

Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ, и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта. Какъ у Славянъ, такъ и у Финновъ было мнѣніе, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинаетъ сѣнить зиму, то прекращается и ночной путь для душъ,

(1) Востокова Опис. Рум. Муз. № CLXXXI, стр. 228.

(2) Сахарова—Сказ. Р. Н. I, стр. 19.

(3) Путеш. въ Черногорію Ад. Попова, стр. 221.

которые поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни (1). Это мѣшнѣе естественно проплекало изъ поклоненія солнцу, какъ божеству, котораго вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и невидимый. Въ первый праздникъ новорожденаго солнца, въ первую зимнюю Коляду мертвые уже возставали изъ гробовъ своихъ и устрашали живыхъ: отсюда и теперь время святоѣ считается временемъ страшествованія духовъ. Второй праздникъ Солнца, весенній, есть Масляница, которая вмѣстѣ есть и поминовенная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья. Въ старину первый блинъ отдавался ищицмъ на поминъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ па слуховое окно для душъ родительскихъ, при чёмъ приговариваются: «Честные наши родители! вотъ для вашей душкѣ блинокъ (2).» Обряды, какіе наблюдаются въ приготовленіи блиновъ, прямо указываютъ па религіозное значеніе этого блюда: выходятъ вечеромъ готовить опару па рѣчки, колодязи и озера, когда появляются звѣзды; приготовленіе первой опары содержитъ въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ; призываются мѣсяцы выглянуть въ окно и подуть на опару (3). Съ древней Масляницы, т. е. съ начала весны живые злороваются съ усопшими, посыпаютъ ихъ могилы, и праздникъ красной горки соединяется съ *Радуницю* (корень *рад*—свѣтъ, *radius*), праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ; думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда во время поминовенія изъ темницъ (гробовъ) (4), и раздѣляютъ поминовенную пищу вмѣстѣ съ принесшими; въ сѣдѣствіе этого повѣрья зарываютъ красныя яйца въ выкопанныя надъ могилой

(1) Mone I, 98, Eckermann I, 210.

(2) Снегирева Р. И. И. II, 120; Сахарова Ск. Р. И. II, 72.

(3) Сахарова тамъ же.

(4) Grimm—Mythol. II, 706: Es scheint, man dachte sich im grund der erde, gleichsam als decke und gitter der unterwelt, einen stein, der in mhd. gedichten *dillestein* genannt ist. Hierbei erinnere ich mich des *lapis manalis* (Festus s. v.), der die grube des etruskischen *mundus* schloss und alljahrlich an drei heiligen tagen abgenommen wurde, damit die seelen hinauf zur oberwelt steigen knnten.

ямочки. Въ Бѣлоруссіи на могилѣ, полнотой медомъ и водою, раскладываютъ кушанья, и привѣтствуютъ покойниковъ: «Святые радзицелі! хадзице къ намъ хлѣба и соли кушаць.» Кушанья должны быть нечетныя и безъ подливки. По окончаніи угощенія обращаются къ покойникамъ: «Мои радзицелі! выбачайць, недзивиць; чѣмъ хата богата, тѣмъ и рада (1).» Въ Великій Россіі, между прочими при чтаніяхъ, употребляется въ это время слѣдующее: «Ужъ ты солнце, солнце ясное! ты взойди, взойди съ полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдою горевать, не съ тоской вѣковать. Ужъ ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди, взойди со вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ, и проч. (2).» У племенъ Финскихъ угощеніе мертвыхъ также въ обычаяхъ (3).

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденій новою жизнью природы, находится праздникъ Русалокъ или Русальная недѣля. Ру-

(1) Снегирева Р. Н. П. III, 52.

(2) Сахарова—Сказ. Р. Н. II, 23.—

(3) День всѣхъ Святыхъ для Саволаксіи, особенно для Кареліи и Остроботніи, есть самый большой праздникъ урожая и жатвы. Всѣ отправляются въ бани, чисто вымытыя, оставляя домъ пустымъ, и столъ накрытымъ съ яствами и напитками для какихъ-то пепелотовъ, называемыхъ Кѣугун *hötämät*. Никто не имѣеть права оставаться въ домѣ. Потомъ приготовляютъ баню съ водою и съ вѣнками уже для домовыхъ.» *Некоторые обычай, повѣрья и обряды нынѣшніхъ Финляндцевъ—Вѣсти Европы 1828, № 13.*—Моне, I, 71: *Liwen und Esthen haben noch jetzo ein Johannisfest auf den 24 Juni, es ist eine fröhliche Feier, man geht um das Feld, erleucht Aerntesegen vom Himmel und tanzt die ganze Nacht hindurch. Der Gegensatz ist das Fest für die Gestorbenen, das die Liwen und Letten vom Michelstag an drei bis fünf Wochen lang begehen. Während dieser Zeit wird von der Abenddämmerung an nicht mehr in den Häusern gearbeitet, und früh schlafen gegangen, um die herumgehenden Geister der Väter nicht zu stören. Der letzte Abend des Festes wird mit einem Essen gefeiert, dabei aber den Geistern im Vorhaus auch ein Tisch mit Speise und angezündeten Liebtern hingestellt.*

салки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было пимфы, имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ *русы* (свѣтлый, ясный) (1); Русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленіемъ природою. Народъ теперь вѣрить, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія; но когда всѣ Славяне умирали некрещеными, то души ихъ всѣхъ должны были становиться Русалками? Они могутъ быть прекрасны и безобразны, благодѣтельны и вредны, смотря по тому, какимъ людямъ принадлежали они. Русалки появляются съ страшнаго четверга (когда въ старину, по Стоглаву, по рану солому палили и кликали *мертвыхъ*), какъ только покроются луга весеннею водою, распустятся вербы, и живутъ на землѣ неопределѣленное время. Если они и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни Русалокъ; они бѣгаютъ по полямъ, приговаривая: « *Бухъ! бухъ!* соломенныи духъ. Мене мати породила, некрещену положила. » Русалки до Троицьна дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть. Вообще у всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ; поэтому и Русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ, являются при колодцахъ, ибо колодцы суть отверстія земли, изъ которыхъ выходятъ души умершихъ. Въ Черниговской губерніи, въ Новгородѣ Сѣверскомъ, есть уважаемый народомъ родникъ *Заручайская криница*, или Сухомлианская, иначе родникъ Ярославовъ, впадающій въ Десну; на срубѣ этой криницы, на разсвѣтѣ въ зеленую недѣлю, по народному повѣрю, спятъ *Криницы*, прекрасныя лѣвы съ русыми волосами, которые они разчесываютъ (2). Въ народѣ есть мнѣніе, что не надобно оставлять въ щѣлости яичной скорлупы: иначе Русалки сдѣлаются изъ нея себѣ лодки и будутъ плавать на зло людямъ. Съ Троицьна дня до Петрова поста Русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ

(1) Объ имени Русалокъ см. подробнѣе у Буслаева: *О вѣ. Христ. на Слав. яз.* стр. 13, 20.

(2) Снегир. Р. П. II, 172.

пребываний душъ по смерти (1). Въ Краuledворской рукописи читаемъ, что души, покинувъ тѣло, садятся на деревьяхъ (2). Русалльныя игры суть игры въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряжваніе, маски, обрядъ, который не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при празднике тѣнямъ умершихъ, ибо человѣку свойственно представлять себѣ мертвѣца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя, безобразныя существа для того, чтобы пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; ибо если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло, и принимать ту или другую форму: «Се же есть первое, тѣло свое хранить мертвѣ, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и венремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысю и медвѣдемъ (3).» По свидѣтельству Козьмы Пражскаго (стр. 197), у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ, при чмъ имѣло мѣсто переряжваніе. Это извѣстіе объясняется обычаемъ восточныхъ Славянскихъ племенъ, которыя, по свидѣтельству нашего лѣтописца, ставили сосуды съ прахомъ мертвѣцовъ на распятіяхъ, на перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ сувѣрный страхъ передъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила, подъ которой пер-

(1) *Maciejowski—Pierwotne Dzieje Polski i Litwy*, стр. 463: Polak i wszelki Slowianin grzebię umarlych w ziemi, mniemal także, iż mieszkaniem du- chow są podziemne kraje, lecz kraje te nie byli jednem pañstwem a powszechnem duchów siedliskiem, gdzieby wszystkie przebywaly razem, byly to raczej pojedyncze miejsca, w lasach znajdujace sie, do których wskazywaly drogę czarownice, którą bez ich przewodnictwa chotliwi tylko znajdowali ludzie.

(2) Tamo i wele duš tekà sémo tamo po drwech,
Jich boje se ptactwo i plachy swer,
Jedno sowy nehojâ se.

Или: Ai, a vyide duša z rvecei huby,
Vyletie na drvo, a po drvech
Siemo tamo, doniž mrtew nežzen.

(3) Калайдовича Иоан., Екс. Болг., с. 211.

воинчально разумѣлись исключительно души мертвыхъ; другаго происхожденія злыихъ духовъ въ первыя времена наши предки не знали.

У Русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ Русалокъ былъ Семикъ, великий день Русалокъ; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ. Мы упоминали уже о томъ, что Масляница была также праздникомъ въ честь усопшихъ; доказательствомъ этому, кромѣ употребленія блиновъ, служитъ еще тѣсная связь Семика съ Масляницею, связь, сохранившаяся въ преданіяхъ народныхъ: Семикъ у народа пріятель Масляницы; на лубочныхъ картинахъ онъ принимаетъ се въ гости и величаетъ. Иѣть сомнѣнія, что до Христіанства Радуница соединялась съ Масляницей, и что послѣднее название есть позднѣйшее. Въ Семикъ погребали и поминали убогихъ; изъ Стоглава (вопросъ 23) видно, что въ Троицкую Субботу (на русальной недѣли) по селамъ и по погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ и плакались по гробамъ съ великимъ кричашемъ, «и егда учнутъ скоморохи, и гудцы и прегудницы играть, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити. Битье въ ладони есть обычай Русалокъ. Конецъ Русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ Русалокъ; въ этотъ день Русалки уже падаютъ съ дерсвьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій; пѣсня говоритъ:

Русалочки, земляночки
На дубѣ лезли, кору грызли,
Свалились, забились (1).

Здѣсь важно выраженіе *земляночки*, указывающее на Русалокъ, какъ на жительницъ земныхъ нѣдръ. Касательно же лазенія по деревьямъ есть драгоценное свидѣтельство, что, по мнѣнію древнихъ Славянъ, души умершихъ должны жить на деревьяхъ, лазить по нимъ: въ житіи Муромскаго Князя Константина (2) читаемъ: «Копи закалающе, и по мертвыхъ ре-

(1) Снегирева Р. И. П. I, 161.

(2) Карамзинъ I, примѣч. 236.

менныея плетенія древолазная съ ними въ землю погребающе, и битвы и кроеніе и лицъ настrekанія и дранія творяще.»—Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище: провожанье *Русалокъ*: «Женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицы. Здѣсь распѣвались поперемѣнико хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсень игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу, Русалку, дѣвицы принимали на свои руки, для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы пр читывали похоронныя завыванія, а отиалины, распустивъ косы, припадали къ землю, какъ бы къ могиламъ (1).»

Однакого происхожденія съ Русалками *Вилы южныхъ Славянскихъ племенъ* (2), хотя преданія обѣихъ племенъ измѣнились на югѣ, какъ видно, подъ Греческимъ вліяніемъ, получили болѣе античный поэтическій оттѣнокъ. Привязанность Вилъ къ Сербамъ, которыхъ интересы онѣ постоянно поддерживаютъ въ борьбѣ съ Турками (3), указываетъ на первоначальныя родственныя отношенія этихъ духовъ къ племени; древнее обоготвореніе ихъ въ числѣ *тридевятыи*, вѣроятно, указываетъ на тридевять первоначальныхъ родовъ (4).

Кромѣ Русалокъ, души умершихъ, мертвцы, были извѣстны еще подъ именемъ *Навъя*, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки). Подъ 1092 годомъ въ лѣтописи: «Предивно бысть Полотьскѣ: въ мечѣ ны бываше въ иощи

(1) Сахарова—Сказ. Р. И. II, 94.

(2) Обѣ отношенія названій Русалка и Вила см. у Буслаева: О вѣ. Христ. на Сл. языкѣ, стр. 20.

(3) Путешеств. въ Черногорію А. Попова, стр. 219.

(4) Востокова Опис. Рум. Муз. № CLXXXI, стр. 228: «Иже суть крества вѣрующе.... и въ вилы иже числомъ тридевять сестреницъ.» —

тутъиъ, стаяше по улицы, яко человѣци рищающе *блъси*; аще кто вылѣзаше изъ хоромы, хотя видѣти, абы уязвенъ будяше не-видимо отъ *блъсовъ* язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. Но семъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самъхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его область; тѣмъ и человѣци глаголаху: яко *насье* бьютъ Полочаны.»—Изъ послѣднихъ словъ ясно видно, что первоначально въ понятіяхъ народа злые духи представлялись не иначе какъ мертвѣцами. Полное олицетвореніе навія находимъ въ скандинавскомъ имении карлика: паг, пайпп, т. е. мертвѣцъ (1). Изъ этого сближенія словъ мы видимъ, что духи въ видѣ карликовъ, Славянскіе *людки*, были не иное что, какъ души умершихъ; это представлѣніе, что души умершихъ имѣютъ форму человѣка, только въ уменьшенномъ видѣ, осталось до сихъ поръ въ живописи.

Вотъ главныя, первоначальныя черты вѣрованій восточныхъ Славянскихъ племенъ. Съ теченіемъ времени эти первоначальныя черты могли искажаться: одно и тоже божество у различныхъ племенъ носило разныя названія; послѣ, при сближеніи племенъ, различныя названія могли явиться уже различными божествами. Фантазія стремится олицетворить и обожить явленія природы, которыя первоначально являются произведеніемъ главной силы; естественно олицетворялись Весна и Зима, Жизнь и Смерть природы—одна подъ образомъ прекрасной дѣвы, другая безобразной старухи, и т. п. Стихійныя божества первоначально не имѣютъ пола, и потому послѣ легко мѣняютъ его; солнце могло быть легко и мужескаго и женскаго пола, мужемъ и женой мѣсяца. Такъ было не у однихъ Славянъ, по и у народовъ Итальянскихъ и Азіатскихъ: Юпитеръ являлся иногда женскаго пола, Венера—мужескаго (2). Но главными исказителями первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жре-

(1) Буслаева—О вл. Хр. на Слав. яз. стр. 64.—Сравни также корень *нур*, вурити, изнуряти, *absumere*; *кора*, нырище, *дѣмка*, *domus*; выряю. Ср. санскр. *нр*—дисеге и *nartaka*—*tartarus*. Должно думать, что малороссійскія *нашки*, видѣ Русалокъ, суть тоже что *наски*.

(2) Creuzers Symbolik, II, 833.

цы и художники; воть почему у нашихъ восточныхъ Славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ и не было распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо большей чистотѣ, чѣмъ у Западныхъ Славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное влияніе чуждыхъ народовъ повели и къ образованію жреческаго класса и къ распространенію храмовъ и кумировъ. Мы сказали, что у нашихъ восточныхъ Славянъ не было класса жрецовъ (1). Лѣтописи совершенно молчать о существованіи храмовъ и жрецовъ; нельзя предположить, что, еслибы храмы существовали, то лѣтописцы умолчали объ ихъ разрушеніи или превращеніи въ церкви при разсказѣ о введеніи Христіанства и искорененіи идоловъ. Во времена Игоря стоялъ въ Кіевѣ Перунъ на холмѣ, но не въ храмѣ, ибо лѣтописецъ прямо говоритъ: «Заутра призыва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты и золото.» Нельзя было не сказать лѣтописцу, что они вошли въ храмъ Перуна, тѣмъ болѣе, что Христіанская церковь св. Илліи должна была напомнить ему о храмѣ. О Владимира говорятъ, что онъ поставилъ кумиры на холму виѣ двора теремнаго, и никакъ не говорится о храмахъ. Въ разсказѣ о введеніи Христіанства читаемъ: «Яко приде (Владиміръ), повелѣ кумиры испроверщи, овы осѣчи, а другіе огневи предати; Перуна же повелѣ привязати копеви къ хвосту, и влещи съ горы, и проч.» — Ни слова о раззореніи храмовъ. Въ Новгородѣ Добрыня поставилъ кумира на дѣлъ Волховомъ, но не храмъ. Словѣ *требище* и *капище*, употребленныя въ пѣкоторыхъ лѣтописяхъ, древнихъ сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ, не могутъ означать храмовъ; требище — мѣсто, где приносились жертва, треба; капище происходитъ отъ *капь*, *èкшáу*, *іmago* (2); с.г.д. можетъ означать и самого идола, и также вмѣстлище идola, навѣсь, шатерь; что капище не могло означать храма, видно изъ словъ лѣтописца, что Владимира, уходя изъ Кор-

(1) См. обѣ этомъ образцовое по времени разсужденіе Митрополита Платона въ его Церковной исторіи.

(2) «По капи нашею и по образу;» или: «Грѣхъ въ мою капь сътворенаго обетыши.» См. Miklosich, Rad. I. Sl. p. 117.

суня, взяль съ собою два мѣдныхъ канища (1). Какъ мало было распространено собственно идолослуженіе у пашихъ Славянъ, видно изъ того, что, во первыхъ, не было храмовъ даже и въ главныхъ городахъ, Новгородѣ и Кіевѣ; во вторыхъ, въ главномъ городѣ Кіевѣ изображеніе главнаго божества, Перуна, было деревянное: «И постави кумиры — Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ.» Что идолы были деревянные, видно изъ другихъ мѣстъ лѣтописи: католическіе міссионеры, убѣждая Владимира, говорятъ: «Вози ваши древо суть.» Варягъ, у которого просили сына на жертву богамъ, отвѣчаетъ: «Не суть бо бози, по древо.»

И такъ, даже въ главныхъ городахъ мы видимъ очень мало следовъ общественнаго богослуженія. Вторымъ доказательствомъ неразвитости его служитъ отсутствіе жрецовъ: лѣтописцы молчатъ о нихъ. Князь ставитъ идоловъ, Князь приносить жертвы, толпа требуетъ человѣческой крови для боговъ — о жрецахъ ни слова; Князь перемѣняетъ вѣру, всѣ люди дѣлаютъ тоже, — и жрецы не только не противятся, но обѣихъ нѣтъ даже и помину. Эта неразвитость общественнаго богослуженія, отсутствіе храмовъ и жрецовъ не должны никакъ поражать насъ: все это было необходимо при родовомъ, особномъ быту. Въ каждомъ родѣ родоначальникъ, старшій былъ вмѣстѣ и жрецомъ, онъ приносилъ жертвы, онъ гадалъ о будущемъ. Какъ это произошло, показывается и теперь еще существующій обычай. Въ Малороссіи, въ щедрый или богатый вечеръ, 31 декабря, каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, кипшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затянувшись передъ образами, пакуривъ ладонемъ, просятъ мужа *исполнить законъ*; отецъ семейства долженъ сѣсть на покупи, за грудой всякаго печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «Дѣжь пашь батько?» то онъ спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хибажь вы мене не бачите?» и на слова ихъ: «Не бачимо, тату,» говорить: «Дай же боже, щобъ и на той рокъ не побачилъ.» Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ

---

(1) П. С. Р. Л. I, 80.

году было такоеже изобиліє всего, какъ въ настоящемъ (1). У западныхъ Славянъ, гдѣ, при большемъ развитіи обществен-наго богослуженія, существовали храмы и жрецы, роль отца семейства въ описанномъ обрядѣ занимаетъ жрецъ. Саксонъ Грамматикъ, описавъ праздникъ въ честь Святовида, когда жрецъ перемѣнялъ вино въ рогѣ идола, прибавляеть: «Къ этому же возношенню приналежалъ и пирогъ сладкій, круглый (коровай) и величиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставилъ его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ—видѣть ли они его? Когда тѣ отвѣчали, что видѣть, то онъ изъявлялъ желаніе, чтобы на слѣдующій годъ его вовсе не было видно за пирогомъ (2).»

Но если не было храмовъ, то гдѣ же и какъ приносились жертвы старшинами родовъ? Природными жертвениками, алтарями для младенчествующихъ народовъ служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скучна на возвышенности и камни, за то щедра на естественные капища (шатры, навѣсы)—многовѣтвистыя деревья: подъ ними то преимущественно совершались религіозные обряды, приносились жертвы. Дерево (по преимуществу дубъ), выбранное для этого, освящалось и становилось само предметомъ благоговѣйного уваженія, какъ мѣсто пребыванія боговъ, куда они стекались для прпнятія жертвъ. Если и теперь въ народѣ осталось мнѣніе, что души умершихъ могутъ питаться нашими кушаньями, то яспо, что прежде это было общимъ мнѣніемъ; отсюда угощеніе усопшимъ. Но сѣ должно было явиться другое мнѣніе, что души умершихъ, какъ существа невидимыя, тонкія (*дымецъ малъ*) (3) не могутъ питаться грубыми частями пищи, а должны питаться ея тонкими частями, менѣе матеріальными, спареніями — отсюда обычай сожженій, совпадающій съ высшимъ нечеловѣческимъ учрежденіемъ. Такимъ образомъ по обычаямъ простаго покорма или сожженія жертвъ можно судить о боль-

(1) Срезневскій—Свят. и Обр. стр. 77, 78.

(2) *Saxo Gramm.* 824, 823.

(3) «И видѣ Шигона духъ его (В. Князя Василія) отшедше аки дымецъ малъ.» Соф. врем. II, 333.

шай или меньшей грубости народныхъ понятій о загробной жизни и божествѣ. Но такъ какъ жертва назначалась первона-чально для душъ умершихъ родичей, и такъ какъ вѣрили, что души обитаютъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ, преимущественно на дубахъ, то это всего болѣе заставило уважать деревья и при-носить предъ ними жертвы. Константинъ Порфиородный го-воритъ (1), что Русскіе, приходя на островъ св. Георгія, при-носили жертву подъ большимъ дубомъ; въ церковномъ уставѣ Владимира говорится о тѣхъ, кто молится въ *рощеньи*; въ жи-тіи Князя Константина Муромскаго читаемъ: «Дуплинамъ дре-вянымъ вѣтви убруссемъ обвѣшивающе, и симъ поклоняюще-ся (2).» Въ Малороссіи и теперь вѣшаютъ на дубахъ, такъ ска-зать, въ жертву Русалкамъ полотенца и мотки нитокъ (3). Въ лѣтописи читаемъ: «Тмою идолобѣсія помрачены суще, жер-твы богомерзкія богомъ своимъ приношау, и озеромъ и кла-дяземъ, и рошениемъ (4).» Кипрілъ Туровскій говоритъ (5): «Уже бо не нарекутся богомъ—ни древеса.» Духовный регла-ментъ запрещаетъ пѣть молитвы передъ дубомъ.

Кромѣ деревьевъ, жертвы приносились также у воды: «Овъ трѣбу створи на студеньци дѣлда пекы отъ него, забывъ яко Богъ съ небесе дѣлдъ дасть. Овъ несущимъ богомъ жъртвъ и Бога, створыщаго небо и землю, раздражаетъ. Овъ рѣку боги-нию нарпцасть и звѣрь живущъ въ ней яко Бога нарицая, тре-бу творить (6).» Въ Густинской лѣтописи читаемъ: «Ипыи же клаляземъ, езеромъ, рошениямъ жертву приношау. Отъ сихъ единому иѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же и донынѣ по иѣкоихъ странахъ безумныи память творять: во день пресвѣтлого Воскресенія Христова, собравшееся юніи в

(1) *De admin. imp.* 9.

(2) Карамз. I, примѣч. 216.

(3) *Касторскаго*—Начерт. Слав. №е. 134.

(4) П. С. Р. Л. II, 234.

(5) Памятн. слов. XII в. стр. 19. Въ Краaledворской рукописи:

Pode wse drva

Vzlozie obieti bohом.

(6) Кеппена—Библіогр. листы № 7.

играюще, вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствіемъ тыхъ боговъ, си суть бѣсовъ, яко вометаемыи въ воду, или о древо, или о камень, въ водѣ разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по иныхъ же страшахъ не вкидаются въ воду, но токмо водою обливаютъ, но едипаче томуже бѣсу жертву сотворяютъ (1). » Въ апрѣль 1721 года изданъ быль синодскій указъ, чтобы приходскіе священники на святой недѣлѣ не купали и не обливали людей водою; запрещалось это впервыхъ потому, что имѣло вредныя слѣдствія для здоровья, а во вторыхъ потому, что имѣло связь съ языческимъ празднованіемъ Купалу (2). Левъ Діаконъ говорить (3), что воины Святослава погружали въ струи Дуная младенцевъ и пѣтуховъ послѣ погребенія убитыхъ товарищѣй. Въ церковномъ уставѣ Владимира говорится о молящихся у воды; въ правилахъ Митрополита Іоанна: «еже жрутъ бесомъ и болотомъ и колодяземъ. » У Кирилла Туровскаго: «Не нарицайте себѣ бога.... ии въ рѣкахъ, ии въ студенцахъ. » Выше было упомянуто объ употребленіи воды при брачныхъ обрядахъ.

При языческомъ богослуженіи Славянъ были въ употребленіи, какъ видно: мольбы, пѣсни, музыка, пляски и жертво-приложенія. У начальнаго лѣтописца читаемъ: «Сими дьяволъ лестить, и другыми правы, всяческими лестьми превабляя пы отъ Бога, трубами и скоморохы, гуслими и русальи (4). » Въ Словѣ Христолюбца говорится: «Не подобаетъ крестьяномъ игръ бесовъскихъ играть иже есть пляска, гудба, пѣсни бѣсовскыя и жертва идолская (5). » Молитвы сопровождались преклоненіемъ и битьемъ въ чело, какъ читаемъ въ Кралеворской рукописи. Выше было упомянуто, что круговая пляска, хороводъ, имѣла религіозное значеніе. Что музыка или гудьба имѣла такое же значеніе, на это, кромѣ приведенныхъ свидѣтельствъ, есть доказательства филологическія (6). Изъ пѣсень языческа-

(1) П. С. Р. Л. II, стр. 237.

(2) Иоанн. Собр. Зак. № 3771.

(3) IX, 8.

(4) П. С. Р. Л. I, 73.

(5) Опис. Рум. Муз. 229.

(6) Буслаева—О вѣ. Хр. на Сл. яз. стр. 110, 111.

го содерганиіа сохранилась одна у Хорватовъ: «Лепи Иво тер-
га роже, тебѣ, Ладо, свети боже! Ладо, слушай насть, Ладо!
Песме, Ладо, невамо ти, сердца наше клянямо ти: Ладо, слу-
шай насть, Ладо!» Другая пѣсня языческаго происхождения, и
указывающая на обожаніе солица, сохранилась у Сербовъ, ко-
торые молять бога, чтобъ онъ сіялъ: «сіяй, сіяй, боже (1)!» Что
касается жертвъ, то мы уже говорили объ нихъ. Какъ видно, у
восточныхъ Славянъ были въ обычай закланіе и приготовленіе
ястивы, *покормъ*, а не сожженіе. Что наши Славяне смотрѣли на
жертву именно какъ на трапезу, поставляемую богамъ и душамъ
умершихъ, видно изъ слѣдующаго мѣста Новгородской летопи-
си (2): «Ириде къ Новугороду Акимъ Архіеписконъ Корсуня-
нинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче и повель влечи въ
Волховъ, поверзаше уже волочаху по калу, бьюще жезліемъ, и
заповѣди никому же пингдѣже не пріати. И се иде Индѣлянинъ
рано на рѣку, хотя горыци везти въ городъ; и сице Перунъ
приплы къ берегови, и отрину его шестомъ. Ты, рече, Перу-
нинце, досити еси *пилъ* и *ялъ*, а пынѣ плови уже проче.» И
по введеніи Христіанства жертвы продолжались по старому, въ
домашнемъ кругу, предлагались душамъ усопшихъ родичей, роду
и рожаницамъ, и опять въ смыслѣ трапезы, покорма: «И
тако покладываются имъ требы и корован имъ ломять, молено
то брашио даютъ и ядять, ставятъ кумиромъ (3) трапезы котѣй-
ныя и законыаго обѣда иже парищаются беззаконыя трапеза,
мѣннмая ролу и рожаницамъ.» Въ этомъ свидѣтельствѣ для
настѣ важно упоминовеніе о *коровѣ*, который былъ священ-
нымъ, жертвеннымъ блюдомъ, на что указываетъ его упо-
требленіе при обрядахъ (напр. свадебныхъ), также самое названіе,
предполагающее корень *кор*, *хор*, имя божества солица (4);

(1) Срезневск: Свят. и Обр. 70, 71.

(2) Продолж. Древи. Росс. Вивлію.

(3) Думаемъ, что здѣсь слово *кумиръ* употреблено въ смыслѣ языческаго божества вообще, а не въ смыслѣ истукана.

(4) Въ Орловской губерніи есть обыкновеніе *молить коровай* въ Троп-
иціи день; обыкновеніе это состоитъ въ томъ, что приготавливается однѣ

сюда же принадлежит другое жертвениое блюдо, до сихъ поръ употребляющееся вмѣсть съ коровамъ при обрядахъ, — *куръ, куря, пѣтухъ*, оная самыиъ названиемъ указывающее божество солнца, которому преимущественно приносилось въ жертву. О блинахъ, какъ жертвениомъ блюда, было упомянуто выше; сюда же, вѣроятно, принадлежать и *олады* (1).—У западныхъ Славянъ также находимъ извѣстія о подобныхъ *законныхъ обѣдахъ* (2); думаемъ, что здѣсь должно искать начала *братчинъ* или *братовѣщія*.

Есть извѣстіе, что у Русскихъ Славянъ было также обычай приносить въ жертву богамъ людей. Эта жертва у народовъ была большею частію умилостивительная: при какихъ ипбудь общественныхъ бѣдствіяхъ думали, что божество гнѣвается за чин-нибудь грѣхи, и потому искали преступника, котораго и приносили въ умилостивительную жертву; потомъ приносили обыкновенно въ жертву богамъ пѣтнинковъ, но господствовавшему мнѣнію, что побѣжденный есть грѣшникъ, разгневавшій божество. Можно думать, что средневѣковой обычай сожигать еретиковъ есть также остатокъ языческихъ понятій. Мы не согласны приписывать обычай человѣческихъ жертвъ у Славянъ чуждому вліянію, ибо думаемъ, что этотъ обычай общъ всѣмъ народамъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ; разумѣется, человѣческія жертвы должны быть въ большемъ употреблениі у народовъ воинственныхъ, чѣмъ у мирныхъ, потому что,

---

общій коровай для стола, а другой для роши, куда съ нимъ послѣ обѣда отправляются гулять и завивать вѣнки. Снег. Р. П. П. I, 183.—Въ Кралеворек. рукоп.

Nesmiechu se biti w celo pred bohy,
Ni w sumrky um dawati iesi,
Kamo oteik dawase krmie bohom.

(1) Блинъ—млинъ, млинци, отъ *мель*.—Снегиревъ (Р. П. П. II, 117) не безъ основанія догадывается, что название *Олады* указываетъ на *Ладо*.

(2) Такъ у Гельмольда: *Est autem Slavorum mirabilis error, nam in convivis et comptionibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt, non dicam consecrationis sed execrationis verba sub nomine deorum boni scilicet et mali.*—Ср. слова во Фрѣйзингенской рукописи: *u circuval sih clanam ze i modlim ze im i zesti ich pigem i obeti nasse im nezem, i проч.*

какъ уже сказано, въ жертву приносились обыкновенно взятые въ пленъ пленятели; такъ мы видимъ человѣческія жертвы у воинственныхъ сѣверозападныхъ племенъ Славянскихъ, особенно когда разгорѣлась религіозная борьба съ Христіанами; такъ и у насъ въ Кіевѣ мы видимъ человѣческую жертву при Владимираѣ, во время борьбы двухъ религій. Видѣть также указаніе на человѣческія жертвы въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца: «Привожау сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернился кровыми землями Руска и холмъ отъ (1).» Здѣсь лѣтописецъ повторилъ тѣ же слова, которые вложилъ въ уста Філософу, пришедшему для обращенія Владимира: «Посемъ же дѣяволъ въ большемъ прельщеніе вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови дреявны, ови мѣдяны, а друзіи мрамаряны, а иные златы и сребрены; кланяхуся, и привожау сыны своя и дщери, и закалаху предъ ними, и бѣ вся земля осквернена (2).» Митрополитъ Иларіонъ говоритъ: «Уже не закаляемъ бѣсомъ другъ друга.»

Въ заключеніе намъ остается сказать о волхвахъ. Мы видѣли, что у восточныхъ Славянъ не было жреческаго класса; но за то были волхвы (3), гадатели, кудесники. О волхвахъ Славянскихъ мы знаемъ очень мало; но изѣгъ сомнѣнія, что они имѣютъ тѣсную связь съ волхвами Финскими, по близкому сосѣдству и союзничеству этихъ двухъ народовъ, тѣмъ болѣе, что послѣ, по принятіи Христіанства, волхвы преимущественно являются на Финскомъ сѣверѣ и оттуда мутятъ Славянское народонаселеніе. Финское племя искони отличалось наклонностю своею къ волшебству, искони славилось имъ; у Финновъ преимущественно было развито ученіе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ и о сообщеніи съ ними. Финны знаютъ двѣ магіи—белую и черную; черная—адское искусство, отклоняющее людей отъ свѣтла

(1) Н. С. Р. I. I, 34.

(2) Тамъ же, стр. 39. Ср. Гельмольда: *Conveniunt viri et mulieres cum parvulis mactantque diis suis hostias de bobus et ovibus plerique etiam de hominibus christianis.*

(3) О словоизвлеченияхъ волхвъ и жрецъ см. у Буслаева: О вѣ. Христ. на Слав. языкахъ, стр. 22, 23.—Miklosich, R. I. S. p. 10.

солнечнаго, враждебное Байвѣ, богинѣ солнца, пропастикаетъ отъ адскаго царства (1). Этимъ объясняется слѣдующее мѣсто лѣтописи (2): «И приключился пѣкоему Новгородцу прити въ Чудь, и приде къ кудеснику, хотя волхванья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывать бѣсы въ храмину свою. Новгородцу же сѣдящо на порозѣ толяже храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибе имъ бѣсы; кудесникъ же вставъ рече Новгородцу: бози не смыють прити, иѣчто имаши на собѣ, его же боятся. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшель постави кромѣ храмины тое; онъ же начатъ опять призывать бѣсы, бѣси же метавше имъ, повѣдаша, что ради пришель есть. По семъ же поча прашати его: что ради боятся его, его же се поснимъ на собѣ креста? Онъ же рече: то есть знаменіе небеснаго Бога, его же наши бози боятся. Онъ же рече: то каци суть бози ваши, кѣ живутъ? Онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крылаты, хвосты имуще, входять же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ, ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умреть отъ вашихъ людей, то възвносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираеть, то поснимъ къ нашимъ богомъ въ бездину.» На это же Финское вѣрованіе указываетъ другой разсказъ лѣтописца о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области; они говорили, что человѣкъ созданъ слѣдующимъ образомъ: «Богъ мывъся въ мовицѣ и вспотивъся, отеръся ветвьхомъ, и верже съ небессе на землю, и распрыса сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю въ не вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу.» Доброе или бѣлое волшебство пропастикаетъ изъ существа женщины, тогда какъ чернокнижіе, по своему характеру, есть мужское (3). Изъ этого воззрѣнія Финскихъ волхвовъ можно объяснить ихъ ненависть къ женщинымъ, о которой говорить

(1) Eckermann, I, 142.

(2) И. С. Р. Л. I, 77.

(3) Mone I, 40; Eckermann I, 141, 142: Merkwürdig ist auch der Gegensatz der Geschlechter in der ganzen Zauberei, besonders beim Kannus. Das Holz musste nach der Sonnengöttin Baiwe zu gewachsen sein, und doch durste sich kein

лѣтописецъ (1): «Бывши бо единю скудости Ростовъстїй области, востаста два волъхва отъ Ярославля, глаголющи: яко въ сѣвѣ, кто обилье держить; и поидоста по Волзѣ, кѣдѣ придутъ въ ногостѣ, туже нарицаху лучшій жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медь, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры свои, матере и жены свои; она же въ мечтѣ прѣзвавше за плечемъ, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены.»—Обычай обвинять женщинъ, князей и церковныхъ власти въ общественыхъ бѣдствіяхъ быть распространенъ на всемъ сѣверѣ (2): такъ иногда Новгородцы отказывали въ повиновеніи Владыкамъ (3), Псковичи Князьямъ (4).

Изъ предложенного обзора религіи восточныхъ цлеменъ Славянскихъ можно вывести слѣдующее заключеніе: религія эта состояла, во первыхъ, въ поклоненіи стихійнымъ божествамъ, во вторыхъ, въ поклоненіи душамъ умершихъ, которое условливалось родовымъ бытомъ, и изъ котораго преимущественно развилась вся Славянская демонология. Въ слѣдствіе также родового быта, у восточныхъ Славянъ не могло развиться общественное богослуженіе, не могло образоваться жреческое сословіе: отсюда частію объясняется то явленіе, что язычество у насъ, не имѣя ничего противопоставить Христіанству, такъ легко уступило ему общественное мѣсто; но, будучи религію рода,

---

Weib der Zaubertrommel nÃ¤heren, wenn nicht ihre ganze Zauberkraft dabin sein sollte. Alles dieses hat darin aber seinen Grund, weil des Weibes monatliches Zauberblut allen Zauber aufhebt.

(1) И. С. Р. Л. I, 73.

(2) *Lappenberg Urkund. I, 103.* Письмо Григорія VII къ Датскому Королю Гаральду 1080 года: «Vos intemperiem temporum, corruptiones aeris, quascunque molestias corporum, ad sacerdotum culpas transferre. Praeterea in mulieres ob eandem causam simili immanitate barbari ritus damnatas, quidquam impietatis faciendi vobis fas esse nolite putare.»

(3) И. С. Р. Л. III, 44: И въздвиже (льяволъ) на Арсенія мужа кротка и смиренна крамолу велику, простую чадъ; и створше вѣче на Ярославли дворъ, и поидаша на владыцьнъ дворъ, рекуче: того дѣля стоять тепло дѣлъго,» и проч.

(4) И. С. Р. Л. IV, 198: А тогда баше моръ во Псковѣ великъ; и тогда отрекошаася Псковичи Князю Данилу Александровичю: «тебе ради моръ сей у насъ,» и выѣха Князь Данило изо Пскова.

семьи, дома, оно надо и осталось здѣсь. Если бы у насть язычество изъ домашней религіи успѣло перейти въ общественную и пріобрѣсти всѣ учрежденія послѣдней, то безъ сомнѣнія оно гораздо дольѣ вело бы явную борьбу съ Христіанствомъ, но за то, разъ побѣжденное, оно не могло бы оставить глубокихъ следовъ; если бы Христіанство имѣло дѣло съ жрецами, храмами и кумирами, то низложивъ ихъ, оно покончило бы борьбу; язычникъ, привыкшій къ общественному богослуженію, и лишеній храма и жреца, не могъ бы долго оставаться язычникомъ: еслиъ онъ вздумалъ возстановить храмъ и собрать жрецовъ, то это было бы явное сопротивленіе торжествующей религіи, которое влекло бы за собою опять явное пораженіе. Но язычникъ Русскій не имѣлъ ни храма, ни жреца, и потому безъ сопротивленія допустилъ строиться по-вымъ для него храмамъ, съ служителями божества, оставаясь въ тоже время съ прежнимъ храмомъ — домомъ, съ прежнимъ жрецомъ — отцемъ семейства, съ прежними *законными обѣдами*, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ. Трудно было бороться съ тайнымъ служеніемъ божествамъ скрывающимъ, домашнимъ.

С. Соловьевъ.

6 Октября 1849 года.